

СМЕНА

15

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Бухарест, город сре́тива́лся

Четвёртый Всемирный фестиваль молодёжи и студентов за мир и дружбу проводится в столице Румынской Народной Республики — Бухаресте. Этот город в течение двух недель будет местом встречи молодёжи разных стран мира.

С энтузиазмом, рождённым превеликим фестивалю румынская молодёжь. В окрестностях города создан огромный Парк культуры и спорта имени 23 августа. Здесь в дни фестиваля должны проводиться спортивные соревнования и культурно-массовые мероприятия. На месте пустырей и болот построены громадный стадион, спортивные площадки, летний театр, большое искусственное озеро.

Жители Бухареста разбили перед домами скверы, во дворах и на улицах высаживали деревья.

Рукими молодёжи и всего населения Бухарест превращён в сплошной сад, полный света и воздуха. На его площадях и улицах встречаются посланцы десятков стран мира.

На снимках: виды города Бухареста.

Советские волейболисты — участники IV Всемирного фестиваля молодёжи и студентов.
Фото А. Моклецова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 15. 1953 год.

Год
издания
30-й

JEUNES ! PREPAREZ LE IVe FESTIVAL MONDIAL DE LA JEUNESSE ET DES ETUDIANTS POUR LA PAIX ET L'AMITIE !
BUCHAREST 2-16 AOUT 1953

Плакаты, изданные румынским национальным подготовительным комитетом фестиваля.

За мир и дружбу! Это девиз Четвёртого Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, открывшегося 2 августа в Бухаресте, столице Румынской Народной Республики.

За мир и дружбу! Есть ли на свете призв, более близкий миллионам простых людей? В этом коротком призыва выражена самая сокровенная мечта молодёжи земного шара.

Жажда мира и дружбы объединяет людей всех возрастов, всех профессий, людей различных взглядов и верований, национальностей, разного цвета кожи. Не случайно в подготовительном комитете фестиваля встретились индусский певец и немецкий мотогонщик, музыкант королевского оркестра Дании и скрипачка ЦР ВЛКСМ. В комитет вошли деятели Всемирной федерации демократической молодёжи, Международного союза студентов и других молодёжных организаций.

На кораблях и самолётах, на поездах и автомашинах, на велосипедах и мотоциклах съезжаются в Бухарест представители молодёжи всей нашей планеты.

Молодёжь Голландии в дни подготовки к фестивалю. Команда учащихся художественной школы Амстердама встречается с командой 11-й средней школы города.

За мир

жеские объятия молодых французов и вытешница, рукопожатие голландца и индонезийца выражают истинные стремления и чаяния народов.

Яркая и разнообразная программа фестиваля в Бухаресте состоит из художественных конкурсов, товарищеских спортивных состязаний, концертов, митингов, манифестаций, масовых гуляний и карнавалов, встреч между делегациями, студенческих научных дискуссий.

Подготовка к фестивалю в разных странах проходила по-разному. Соревнованиями по футболу и настольному теннису, шахматными турнирами, конкурсом скрипачей был наполнен второй национальный фестиваль бразильской молодёжи.

В Дании огромным для этой страны трибюном — в сто тысяч зрителей — вышла специальная газета, посвящённая фестивалю.

В Новой Зеландии был проведён фотоконкурс на лучшую видовую карточку на темы фестиваля. В городе Вильните молодёжь знакомилась с кинокартинами о прошедшем Берлинском фестивале. На просмотре было собрано 25 фунтов стерлингов для поездки делегатов в Бухарест, 25 фунтов стерлингов — сумма небольшая. Но ведь это только в одном месте.

Молодые датчане подготовили для демонстрации на фестивале пантомиму «Народная сказка». Они выбрали форму пантомимы, потому что её надо переводить на 100 языков, на которых говорят участники фестиваля.

Молодые рабочие хельсинкского завода «Коне и Силте» изготовили модель моста, называемую ими «Мостом дружбы». Они повезут своё творение на фестиваль.

В французском городе Монрей на большом торжестве юноши и девушки избрали «королеву мира» — делегатку в Бухарест.

Разнообразные формы — одно из драгоценных явлений движения сторонников мира. Оно показывает, как широко охватывает призыв за мир и дружбу все слои молодёжи, различной по воспитанию и образу жизни.

Художественные коллективы Венгерской Народной Республики подготовили и фестивалю новые номера. Молодёжный ансамбль исполняет народный танец.

и дружбу!

Именно эта широта грандиозной встречи молодёжи, борющейся за мир и лучшее будущее, вызывает ярость врагов мира. Империалистические круги некоторых стран чинят всяческие препятствия юношам и девушкам, отправляющимся в Бухарест.

В иранском городе Махабад юноши и девушки, организовавшие спектакль, посвящённый Бухарестскому фестивалю, подверглись нападению полиции и войск. Сад, где ставился спектакль, был оцеплен, полицейские солдаты открыли стрельбу. Две молодых иранца убиты, несколько человек ранены.

Иранские власти отказались от заграничных паспортов всем иранцам моложе тридцати лет.

Расправы, эзапты и запутывания свидетелей стоят лишь на сраже подонкогательской пыткой перед своим же народами.

Мы помним события позапрошлого лета, когда участники Третьего фестиваля, с мирными песнями непрекращавшимися в западных секторах Берлина для дружеской встречи, подверглись нападению фашистских кулиганов.

Не эти ли кулиганы-прокураторы проникли 11 июня в Германскую Демократическую Республику, пытаясь вновь разжечь пламя войны?

Международная обстановка призывает народы к бдительности, показывает, что поджигатели войны готовы на любые подлости, на любые авантюры. События в Берлине были испытанием для молодёжи Германской Демократической Республики. Юноши и девушки в синих блузах стойко держались, отражая наступление фашистских провокаторов. Например, на металлургическом комбинате имени И. В. Сталина ни один рабочий не поддался на провокацию. Молодые доменщики не уходили домой после смены, охраняя свой завод от диверсантов и погромщиков.

Фашистским наётчикам не удалось ни на минуту нарушить работу хлебозавода «Активист». Их наёты были отражены рабочими, среди которых находились немало молодых немцев. Попытке дезорганизовать снабжение населения хлебом сорвалась.

Обращаясь к премьер-министру Гротеволю,

БУХАРЕСТ — МЕСТО ВСТРЕЧИ МОЛОДЕЖИ ВСЕГО МИРА IV-й ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ ЗА МИР И ДРУЖБУ 2-16 АВГУСТА 1953 г.

актива Союза свободной немецкой молодёжи района Митте в Берлине писал: «Будем добиваться того, чтобы фашистским провокаторам никогда не удалось использовать молодёжь в своих корыстных целях».

Ни выстрелы иранских полицейских, ни провокации бониских властей не сбьют молодёжь с пути мира и дружбы. Молодёжь с восторгом приветствует заключение перемирия в Корее — огромную победу всего лагеря мира и демократии. С уважением и любовью относится друг к другу молодые труженики всех стран, простые люди земного шара.

С особым волнением приходит на фестиваль молодёжь народно-демократической Румынии. Румынская столица всегда считалась одним из красивейших городов Европы. Сейчас город украшен заново. Усилиями тысяч молодых строителей он превращён в чудесный праздничный цветник, в город-сад, гостепримно открывший свои ворота перед юношами и девушками более чем ста стран. В Бухаресте выстроены новые стадионы, на которых будут происходить спортивные встречи.

Советская молодёжь послала на фестиваль большую делегацию. Хоровые коллективы, танцы и певцы, юные музыканты, спортсмены всех шестнадцати советских республик вступают в соревнование с тысячами друзей, приехавших в Бухарест со всех концов света.

Мы не будем сейчас гадать, кто из юных артистов и спортсменов нашей Родины особенно прозвит себя на конкурсах и в состязаниях фестиваля. Это покажут ближайшие дни. Мы желаем всем участникам фестиваля прозвить свои таланты в полной мере!

На фестивале впервые прозвучат новые песни, созданные поэтами и композиторами многих стран. Нет сомнения в том, что советская молодёжь подхватит лучше песни, задорно и радостно запойт их.

Четвёртый Всемирный фестиваль молодёжи и студентов ещё больше сплотит молодёжь мира в борьбе за лучшее будущее. Над всей землёй гордо звучит призыв фестиваля: «За мир и дружбу!»

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Яркую программу приготовили для фестиваля польские юноши и девушки. «Крановие» в исполнении ансамбля песни и танца Горнометаллургической академии в Кракове.

На улицах Стокгольма девушки распространяют листки, в которых рассказывается о фестивале.

ПОЕЗД ИДЕТ НА ЮГ

Текст Г. Калиновского.

Фото В. Тюкеля.

— Граждане пассажиры, объявляется посадка на скорый поезд № 13, следующий до Томска.

Директор Курского вокзала еще не успела дочитать до конца свой коротенький объявление, а пассажиры уже заторопились на перроне в котлованах, раз прошелся билетный подсобный талоны. Сядь — сядь самовызовом, пассажину всегда кажется, что в последнюю минуту он о чём-то забыл, что-то упустил из виду. Но все же садятся, садятся, и садятся на свое очредное занятое место, и впереди дорога.

Дальние дороги на юг! Через две суток поезд вырывается на побережье Чёрного моря, тысячи людей ведут в уютные комнаты санатории и дома отдыха. Вместе с курортниками едут на юг по своим делам, на каникулы, на прогулки геологи разгадывают тайны Кавказских гор, независимо ступают отравляемые на практику.

Пока пассажиры раздают четвердые и двойные билеты, упаковываются вагоны, в составе вагон-ресторан, старший машинист Соловьев со своим помощником Лашинским и начальником Григорьевым окончательно готовят паровоз и речку.

На выпуклой груди монстра «НС» не зря веет знамя космического знача. Паровоз облучен, ополаснут, вспотел, взволнован, стал членом партии Виктором Федоровичем Соловьевым. Соловьев — опытный механик, прошел путь от ученика до старшего машиниста самого пассажирского поезда.

Помощник машиниста комсомолец Вячеслав Лавин на железнодорожном транспорте имени М. Горького снялся в публичных фотографиях, но не по душу пришлась эта профессия молодому, горячему парню. Лашин поступил сначала начальником на паровоз, а теперь, через некоторый месяц, работает помощником машиниста.

Скорее передает на право крыло, будет старшим машинистом, и это ему придется про него Соловьев. — Способности к этому делу есть.

О профессии старшего машиниста мечтает и член комсомольской бригады комсомолки Николай Грачев.

На Курской железной дороге паровоз Соловьева часто называют «шквалом на нойках». Действительно, паровоз приводит обувь к Виктору Федоровичу и температуру самостоительную водят поезда. Внимательное и бережное отношение к машине — главное правило Соловьева. Его бригада добровольно встала за себя обязательство продлить срок службы паровоза.

...На вздыхальных часах стрелки показывают время отправления.

Гудок — и поезд тронулся.

В вагонах сразу начали пахнуть, своих особая мирина пассажиров дальнего следования. Кто-то успел вспомнить, что помимо а помимо членов по купе, что в Туле нужно покупать принятие, а после Ростова пойдут фрукты двум спутницам.

Помелькнула за окном красными бонами последний московский трамвай, проплыли лёгкие крыши подмосковных да, но лишь за Серпуховом перестает чувствоватьться Москва.

Когда стемнело, вспыхнули в купе настольные лампы под оранжевыми абажурами, проводники пришли расстилать постели.

Молодой помощник машиниста Дима Индюков, аккуратно расправляя склады белоснежной простыни, любит приговаривать:

— Чтобы спать сладко, надо мягко стать. Принимайте постель, граждане, до самого Тифлиса не поспеете.

Индюков, помощник Василий Иванович Струнов проходит по вагонам, внимательно выслушивает заявления и просьбы пассажиров.

Должность начальника поезда — должность хлопотливая.

На каждой станции нужно успеть сообщить об освободившихся местах, нужно весь рейс следить за порядком в вагонах, а иногда терпеть недовольства пассажиров.

Член партии Василий Иванович Струнов любит свой поезд, как может его любить потомственный железнодорожник. Струнова отпускают синяя птицы, рабочие старшины машинистов и почти все родственники служат на железной дороге.

Струнов — человек на очень разговорчивый, но первый взгляд даже молчаливый, но его ответы пассажирам и инструктажи проводникам хотят всегда кратки, но обстоятельные.

— Он у нас взвешенный, — говорят о Струнове один из проводников бригады.

Этот выдержан и умеющий обращаться с людьми человек — это и есть старший машинист комсомольско-молодёжной бригады поезда.

...Постепенно засыпают пассажиры, гаснут настольные лампы, и только под потолоном слабо светят синими светом «ночники». Магия

поначаливаются вагоны, слыши и сменившиеся проводники.

— А в начале пасховоза Виктор Фёдорович Соловьев пристально всматривается в сарептскую от лучей прожектора линии рельсов и, зашагнув вперед, зелёный глазок светофора, громко говорит:

— Вику зелёный!

— Вику зелёный! — подтверждает с левого крыла вагонного поезда один из путейцев.

Небиная скорость, дальние «но» ют мчится пассажирский № 13...

Кончатся первые летние ночи, наступает утро. Пассажиры просыпаются в разное время. Но прежде самых ранних пассажиров проводница Анна Чумникова обойдёт с пылесосом коридоры пассажирского вагона. Ей не должно оставаться на занавесках, на полу, на санках. Вагон будет таким же светлым и чистым, как и утро, прошедшее зелёными лесами и лугами.

Все пассажиры спешат в вагон, двери купе. Шумят кипятком «тити», и на подиуме проводница Клава Воронцовской замывает двери купе, торчащими языками.

Позади сбрасывает ход и изrepidутора, установленного в коридоре вагона, голос диктора обрывается:

— Мы прибыли на станцию Курск

Новый вонзая встречает пассажиров образцово чистотой и порядком. Выходит на перрон, где уже ждет машинальный поездовщик — с особой радостью осматривает вонзая.

А помимо... — обратится подполковник к машилью и по интонации стала ясно, что он вспомнил разбитый и разграбленный город, вспомнил великую битву на Курской дуге.

Проплывает за окном вагона курская земля. Теперь почти незаметны следы отремонтированных хлеба, пасутся на лугах кони и скот.

И не сразу можно догадаться, что на большое круглое озерцо, в котором утка обходит плаванью свой вымощенный, — воронка

В подъезде начальники поезда Струнин собрались свободоречием от демократии проводников на летучее совещание.

— Благодаря исключительной заботе пассажир и превосходство наше неизменно растёт и развивается, — говорит Струнин. — Наша задача, задача рабочего пассажирского поезда, — добиваться наилучшего обслуживания пассажиров. Каждый рейс должен быть совершенным образцом.

Давайте разберёмся, каким нарочётами обнаружились за истеченные сутки. Жизнь в бригаде, поезд, отстартовавший из Курской, должна быть полно увидеть весёлую карикатуру на пропагандированного товарища, проявляющего честность и честолюбие. «Боевой листок» выходил регулярно. Пристраншившись поудобнее в служебном купе, комсомолец Иван Люкша спешит выпустить его ещё сегодня.

— Всё дальше и дальше

— дальше на юг идёт поезд. Проехали глубокой ночью Донбасс, промелькнули в окнах кипучие зебрены на пократах шахт, и вот блогодатная земля Кубани.

На маленьком разъезде всего на три минуты остановился поезд, но пассажиры не успели воспользоваться кампаком мгновение отдыха. Вдоль насыпи, среди травы, мониторы сажают деревья и почтубы бы не собрать первый в этом году бунт?

А в дневнике собирают цветы мимо пассажирского поезда прогремел в тыльную сторону состав из сельскохозяйственными машинами. Пассажиры приветственно подняли дрожащие руки, и снова скорый тронулся в путь, оставляя за собой километры...

В Курске осмотрщики вагонов комсомольцы Михайлов, Гладких и Сошинков придирично проверяют тормозное хозяйство.

— А вонзая, — говорит Гладких,

— Выдерните! — шутливо отвечает Гладких. — На обратном пути, когда пассажиры килюграммы прибывают, гляди в оба!

...Наконец начались горы!

Предгорье долго тянулось справа невысокими, пологими холмами, и вдруг поезд оказался в глубоком ущелье, в горах, густо заросших темно-зеленым, словно бархатным лесом.

Безумно интересно было сидеть на вагоне, ехавшем впервые на юг, вовсе не до обеда в вагоне-ресторане, куда привели его родители. И, конечно, больше всех о Кавказе знает вот этот человек с необыкновенными усами, сидящий у окна. Это Фёдор Винентьевич Струков, бывший буферного строительства треста Фёдор Винентьевич показал ему в один знаменитую гору Индюк, за которую шли ожесточенные бои во время Великой Отечественной войны.

— А я молчал?

— Близко. Можно учесть полотенце готовить, купаться будем,— успокоил юного москвича Фёдор Винентьевич.

Так, значит, конечно, как появились горы, открывается необыкненная даль Чёрного моря.

Словно обрадовавшись голубому, наполненному свежим ветром пространству, загудел паровоз, скрипнули тормоза, из вагонов выбегали люди.

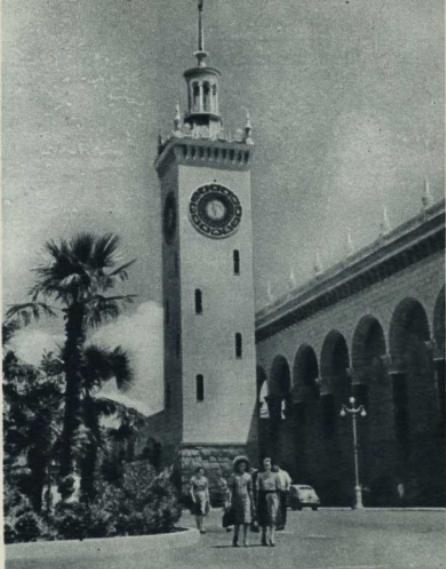

Пятнадцать минут стоит поезд, но надо успеть искупаться, надо обязательно почувствовать на губах солоноватый привкус морской воды! Только начальник поезда Струков не выражал особого ликования. Он покраснел и сел на скамейку, чтобы отдохнуть.

— Сходить на берег. Предупреждите самых рыбных, чтобы не отстали.

...Отставших нет, опять паровозный гудок, звучащий возле моря как-то по-особому гулко, и поезд продолжает путь.

В вагонах засуетились пассажиры, начали увязывать чехомоданы, и лишь шахматисты никак не могут бросить последней, чрезвычайно ответственной партии...

Сочи!

Выспавшись по коридору цепочной пассажир выходит на перрон одного из самых красивых вокзалов страны.

Вонзал выстроен по проекту архитектора Душкина. Лёгкие, изящные линии здания венчает высокая башня с луковичами,вой, которых нет ни в одном из других городов. Строители, воздававшие вокзал, справились с его постройкой в рекордно короткий срок вместо назначенных по плану пять лет в два года.

Задумчиво смотрят на станцию отличных картин, и на восхитительные взгляды пассажиров начальники вокзала. Борис Капитонович Савенко лукаво разводят руками:

— Надо, чтобы человек сразу курорт почувствовал. А насчёт картин смотрите, склады, неразводуки и живописи...

Прибывших в Сочи отдыхающих встречают работники санаториев и домов отдыха.

— Вы в Ривьеру? Пойдите к машине.

Большие открытые машины увозят курортников по зелёным улицам приморского города, а скромную № 13, следующему до Тбилиси, дано отправление.

В ОДНОМ КОЛХОЗЕ

Фото А. Моклецова.

Валя легко спрыгнула с высокой подиумки вагона. Мелкие камушки набились в тапочки, и пока Валя, перебравшись на траву, вытряхивала их, все люди, сопедные вместе с нею с извозчиком, разбрелись в разные стороны. Валя поправила на худеньком плече ремень туго набитой полной сумки и зашагала по направлению к лугу.

Сразу же запахло благоуханием осокой, ударило в ноги золотистые лягушки, и через секунду ядовито винили в ухо первый комар.

На краю луга лениво хлопали короткими хвостами ласкательные лягушки. Над ржаным полем застыло жёлтое морево пыльцы — цветёт рожь.

Неожиданно совсем рядом с Валей задорно, но негромко залеп чистый девичий голос:

Самойт летят,
а рожь, испых-исых...
Ребята хитрые,
а мы хитрее их...

Откуда-то из-за ржи выбежала девушка в розовую кофточку. Она остановилась перед Валей, запрыгивая под косынку придки светлорусых волос.

— Скажите, пожалуйста, как пройти в правление колхоза имени Стalinina? — спросила Валя.

— А вот подниметесь на гору, там и правление, — весело и приветливо сказала девушка. — Только сейчас в правлении никого не застанете! Все на полях или на фермах...

— Мне предстоит в колхозе надо..., — сказала Валя, уже начиная сгорячиться.

— Ивана Петровича? — девушка уверенно махнула рукой. — Ни за что не застанете! Его надо или рано утром или поздно ветером ловить. А вам зачем к нему? Вы из райкома?

— Я из Рязанского управления землеустройства и севооборотов, к вам в колхоз приехала работать.

— Землеустройства? — перестропила девушка. — Так у нас уже есть инженер-землеустроитель! С весны в колхозе работает.

После сезоноса.

— Ну, а я по другой специальности — сказала Валя. — Инженер- почтовец. А к председателю мне надо по двум вопросам: бо-первых, чтоб он выделал мне на завтра людей, а во-вторых, чтобы он помог мне с почёвкой устроиться. Я здесь первый раз...

То ли уж такой весёлый характер был у этой светлокосой ясноглазой девушки, то ли настроение у неё сегодня было особенно хорошее, но она забуряжилась.

— Ну, бо-первых, рабочих они вам ни за что на завтра не выдадут, потому что у нас сейчас самая горячка, руки не хватает. Сколько скажете, если послезавтра работу начнёт...

— Как, это не выдадут? — возмутилась Валя. — Время всегда горячее, руки всегда не хватают! Я знаю, как с председателями разговаривать. Ещё как выдадут-то!

— Ну, если знаете, можете, и выдадут, — легко согласилась девушка. — А ночевать ко мне приходите. Спросите Галину Назарову, меня все знают.

На колхозной овощной плантации.

Секретарём комсомольской организации колхоза имени И. В. Стalinii Гали Назаровой лейтнанты знают все. Знают как вожака колхозной молодёжи, хорошую работницу, как неутомимую певицу. Она сумела хорошо организовать молодёжь семи деревень колхоза. Когда бывает срочная и трудная работа, Гали встает из-под дивана и берётся за неё первая. Это была в разгар весны. На колхозной овощной плантации некрасиво зеленели молодые кустички кудастущей рассады.

— Всехолы-то по чеку корони! Душа радует-ся! — говорили колхозники.

Да и как было не радоваться. Овощи — основной источник доходов колхоза-миллионера. Конечно, колхоз имени И. В. Стalinii — многоотраслевое хозяйство: молочно-товарная ферма, свиные, овцы, три тысячи кур и цыплят, конеферма... Всё это приносит колхозу огромный доход. Но половину доходов первого в Рязанской области колхоза-миллионера составляют доходы, полученные от продажи овощей, капусты.

В обеденный перерыв.

Двести гектаров земли занято в колхозе овощами! Сколько внимания и заботы отдавали девушки полеводческих бригад выращиванию рассады! Радовалась Нина Лобакова, Лida Клейнова и другие девушки галинского зверя, видя, как на глазах крепнут и хорошоют сизо-зелёные листики молодой капусты!

И вдруг стрелка барометра в кабинете председателя колхоза неумолимо поползла в сторону от слова «ясное». А когда высинились, что ожидаются заморозки, Галия привезла вправление:

— Иван Петрович! По радио говорят, утренники будут...

— Знаю, Галина. Вот сидим, специальную бригаду составляем, — задорожала Иван Петрович. — Будем дежурить ночью на рассадников.

— Да зачем специальная бригада? А молодёжь-то на что? Ведь мы всё равно ночи спать не будем!

В это время за тонкой стенкой, отделяющей кабинет председателя от коридора, кто-то энергично крутил ручку телефона:

— Рязань! Рязань! Девушка, дайте сводку погоды! Дайте сводку погоды! Как это не ваша дело? Я вас от всего колхоза прошу...

Председатель внимательно поглядел на взъерошенное лицо Галии.

— Да-а, пожалуй, и незачем составлять бригаду. — О, коммуз «Гали»: — Ладно, молодёжь-то вспомнила!

...Три ночи не спали комсомольцы. Перед рассветом, когда морозец нацишил покалывать щёки, они зажигали по краям плантации извоз и мусор. Тихий белый дым стоял над грядами, кутаят от заморозков нежные молодые растенчики. И когда прошла полоса утренников, все облегченно вздохнули: ни один кустик рассады не почернел от мороза. Будет у москвичей свежая капуста!

Председатели колхоза Ивана Петровича Назарова и Ивана Смирнова не сомневались. И Вала сидела на краешке, решив «занять его изморозь» — ждать хоть до темноты. Вправлении невозмутимо щёкотали счётами, скрипели первыми и студнями, то и дело звонил телефон. Кто-то хозяйствственно выговаривала:

— Дёгтя я тебе выпишу и гвоздей тоже выпишу, вот только совести выписать не могу, потому что это бесполезно!

Вала подумала, что это, вероятно, завхоз, и, как бы подтверждая её мысли, тот же голос продолжал:

— И ещё раз тебе говорю: вставай стёклами в Новобутырском красном уголке. Галина мне проходу не даёт.

Равнодушный голос:

— Так ведь сами знаете: стёкла-то есть, алмаз нет. Пропущу, прошу купить алмаз, и всё денег не хватает! Восьмую автомашину покупаете, дожевальную установку купили, а алмаз купить не можете...

— Не оправдывайся: купили уже алмаз-то. Вставай стёклами.

На крыльце вышел парень, Вала по его растерянному виду сразу поняла, что это тот самый, которому бесполезно выписывать со-

Начала работать дожевальная установка.

весть. Ей надоело сидеть одной, хотелось по- говорить с кем-нибудь, и она заговорила:

— Что же это вы, колхоз-миллионер, а клуб построить не можете? Одним красивым углком обходитесь?

— Красивых углов у нас не одни, а три — раз. А вторым клуб тоже строить начали. Вам видите, кирпич лежит у Нового Батурина?

Вала действительно увидела на высоком холме среди зелени красные штабели кирпича.

— А парень прошёл?

— Клуб построит нам в полгода и купили. Миша в машину поспешил поку阐明。

— И дожевальную установку купили, — иронически перебила Вала — да ешё и алмаз.

— А вы не смеётесь! — парень сел рядом с Валей на скамейку. — Вот соберём урожай, продадим овощи — и клуб построим!

— А много вы овощей-то продаёте?

— А вы в правлении спросите, там знают. — «Овощи колхоз имени И. В. Сталина пройдёт почти круглый год. Московские хозяйки всю зиму — до самого апреля — покупали свежую рязанскую капусту на Центральном и Палашёвском рынках. Прошлым летом на московские и рязанские рынки колхоз вынес сто двадцать тонн свежих огурцов. А сколько помидоров, сбрык, моркови, лука!»

В колхозе четыре специальные полеводческие бригады. Работают в них преимущественно молодёжь. Галия Назарова, Вала Новиковича, Виктор Константинов, Виктор Горелов ежедневно перевыполняют нормы.

Всё это Вала узнала из колхозной стечегазеты «Вперёд», которую, доводясь председателя, она перечла трижды. Настроение у Вали становилось всё хуже. А жаркое дневное солнце перекатилось уж за дальний магнит реции Мечи, дышать сразу стало легче. Вала сопла с крыльца правления и подошла к обрыву, под которым несколько девушки, гремя лёбками, поливали капусту. Вала начала спускаться с горы. Навстречу ей зазвенел знакомый голос:

Хорошо идти двину
из колхозного сезана.
И молодёжь девчонка,
оттого и весела...

Вала издала увидела розовую кофточку и светлые косы Гали Назаровой, которая быстро шагнула между двух гряд, раскачиваясь на ветру, и зажглась лаской: струи воды разбрызгивались в лучах заходящего солнца. Упали из лески последние капли, и Гали, обернувшись, увидела Вали.

— Ну, не дождались Назарова?

— Нет, не дождались — ответила Вала. — А он вам не родственник, Галия: тоже Назаров?

— Да у нас в Новом Бутырске поддеревни Назаровых! — засмеялась Галия.

— Вы всегда погте? — неожиданно спросила Вала.

— Люблю петь! — Галия поставила лейку на землю и кинула, сложивладину у рта: «Девчата, до завтра!»

Девушки кинчили поливать и, как по команде, стали выкручивать мокрые подолы юбок.

— Мы ведь в самый жар работаем, так вот и приходится ведро на капусту ведро на сено... — весело объяснила Галия. Ну, пойдёмте ко мне, пока председатель приведёт.

Жарко палил солнце. Упругие кустинки семянной сбрык стоят ровными рядами, а между ними, быстро рассекая тинками сухие комья земли и глубоко, под корень сгребут сорняки, идут колхозницы. Среди них и Гали Назарова.

Под горой, на которой стоит правление колхоза, девушки в пестрых косынках, низко склонившись к земле, полют мелким луком — чернушкой. Через неделю свежий лук повезут в Москву. Вдалеке возле гряд с огурцами нескользко рабочих стоят новую «КДЛУ» — колхозную дожевальную установку.

А от правления, гремя и подпрыгивающими по склону, сорняки, идут Назаровы. Галия сидит сидит двое парней с лопатами в руках, а рядом с ними трепещет по тверди зелёная косынка. Инженеру- почеводу Вале Левашовой не пришлоось воспользоваться своим умением «разговаривать с председателями колхозов». Иван Петрович выделял людей без разговоров.

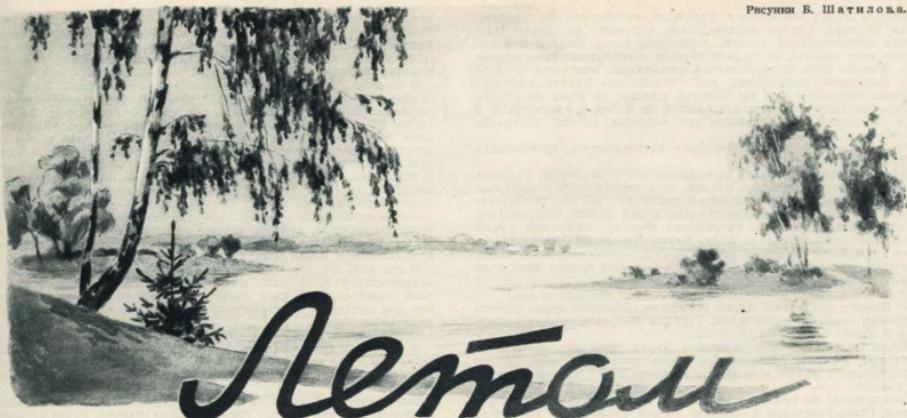
Солистка Ташкентского театра оперы и балета Клара Юсупова — участница IV Всемирного фестиваля молодёжи и студентов за мир и дружбу.

Фото А. Гаранина.

Участник IV Всемирного фестиваля молодёжи и студентов за мир
и дружбу баинист Александр Резников со своими друзьями.

Фото Г. Борисова-

Р. НЕДОСЕКИН

Рассказ

Наш рабочий день обычно начинался в восьмом часу утра. К этому времени в саду высыхала роса, а в доме наступала глубокая тишина, изредка прерываемая боем стенных часов и потрескиванием половицы. Все обитатели дома, кроме нас с Виктором, к восьми утра расходились по своим службам. Правда, дома должен был оставаться ещё шестнадцатилетний Толик, племянник Виктора, но он исчезал тотчас, как уходил на дежурство его мать-фельдшерица. Мы никогда не ругали его за это, хотя нам и было строго-насторожено наказано присматривать за ним. Мы считали, что Толик достаточно взрослый, чтобы самостоятельно распоряжаться своим временем.

Мы с Виктором готовили кинолюминесцентные работы. Были посыпаны в нашей жизни студенческие каникулы. Распорядок дня мы установили очень жёсткий: вставали с зарей, когда ещё клубы белой пыльной сумрака, а застеклые парными молоком и хлебом сразу после того, как Дарья Ивановна возвращалась с подвойницем из лавки. До трёх—четырёх часов труждались не покладая рук. В раскрытое окно я всё время видел коричневую спину Виктора, склонившегося над мольбертом, и белую его чалму, скрученную из рушника.

Картина, которую он писал, называлась «Заволжская даль»: бескрайнее поле колоссящейся пшеницы, на взгорье небольшое село, мимо которого шагают матчи высоковолотистой передачи, слева голубая излучина величавой реки. Этот пейзаж был хорошо виден из нашего сада. Картина у Виктора получалась. Я зайдована поэтической профессии своего друга (мы учимся разным институтам), но над своими чертежами трудились с не меньшим увлечением.

На закате, подобно своему племяннику, таинственно исчезал из дома Виктор, надев свой костюм и положив в карман пакеты пластиров.

Когда темнело, где-то на краю села, у речного откоса, занимались ласковые девчушки песни. Навстречу им во всех домах расходились окна. Пожалуй кохозники, которым уже неудобно было идти к речному откосу, рассаживались на крылечках, а Дарья Ивановна выкладывала приёмник «Рига» и строго шикнула всякий раз, когда Толик или его отец Герасим Петрович двигали стульями.

Стройный, спевшийся хор звучал, как один голос. В такие минуты я как-то особенно хорошо понимал картину Виктора и то усердие, с которым работала художница. Я не сомневалась, что диплом Виктора будет удостоен самой высокой оценки.

Если вечер выдавался необычайно, пасеки на откосе не пела, и Виктор вместе с нами садился с книгой к столу. Чтобы света хватало всем, Дарья Ивановна ставила лампу на перевёрнутую вверх дном кастрюльку. Каждый читал то, что ему нравилось: Толик — мама — медицинский журнал, Герасим Петрович — «Богодиль» или «Огонёк», мы с Виктором — романы в потрёпанных обложках, а Дарья Ивановна — различные томочки-нибудь про войну, пригодные для любых пальчиков.

Таким матом часто выходила в соседнюю комнату, посмотреть, как спят сыны. Герасим Петрович, удобно устроившись в плећетном кресле, брезгливо морщился от лешиего в глазах папиросного дыма и со скептической улыбкой перелистывал журналы. Дарья Ивановна время от времени вздыхала, протирала очки и забирала

кутальскую в накинутую на плечи шаль. А Виктор, отрываясь от книги, подолгу смотрел в тёмное окно, вздрагивающее от ветра, и, не попадая в пепельницу, рассеянно ронял пепел на голубую клеёнку...

В конце концов Виктор вставал, надевал шляпу и, избегая наших взглядов, выходил из комнаты, пробурчав, что перед сном позже подышать свежим воздухом. Несколько минут спустя на тёмной улице раздавалась приглушенный голоса и смех. Если Дарья Ивановна подходила к окну, голоса на улице замолкали, и торопливо шли докладывать, что одна молодых хлебод грозные мечты прорицала самому Франклину...

Дарья Ивановна заведовалась в колхозе ветеринарным пунктом. Иногда в неурочное время за ней прибегала ей помощница Оля, кругло лицая, всегда улыбающаяся девушка в расстегнутом халатике и галошках на босу ногу. Виктор словно карауля, когда она придёт. Он звал девушку посмотреть на его картину, пока Дарья Ивановна одевается, и, наверное, ждал всем сердцем, чтобы мать сбиралась подольше. Но заведующая ветпунктом не медлила. С озабоченным лицом она выходила навстречу своей помощнице, и Оля быстро проходила с огроханным Виктором. Всезнающий Толик сообщал нам, что с выпаса привели заболевшую красавицу или Ромашку.

Однажды Оля зашла в сад, чтобы посмотреть картину Виктора. Виктор так волновался, ожидая её отзыва, словно она была членом Государственной экзаменационной комиссии. Видно было, что картина понравилась Оле. Она долго стояла перед ней, задумчивая и необычно серебряная, а когда подняла глаза на Виктора, в её взгляде было какое-то ироническое выражение. Виктор хотел привлечь её внимание, но Оля молча сказала: «Не надо» — и ушла села, тихо присев за собор кабину. Я видела, как на улице она остановилась, словно колебалась, не вернуться ли, но, покачав головой, медленно попала дальше.

Как-то Дарья Ивановна сказала, что ей с Олей придётся срочно поехать на выезд: что-то случилось с Фиалкой — гордостью всего кохозного стада. Услышав одиночное имя, Виктор тотчас вылез из сопровождения их. Герасим Петрович подкатил на ядовито-зелёный «газик», и мы в чём были — в майках и спортивных шортах — забралась в кузов, где уже стояла, держась за кабину, улыбающаяся Оля с брезентовой сумкой на длинной лямке. Дарья Ивановна села в кабину.

Демонстрируя своё шоффское умение, Герасим Петрович с ветерком промчал нас по улице, но когда машина выехала на луга, стало тут гости, что мы забаранили кулаками по кабине, требуя сбавить скорость. Вокруг было очень красиво. Вдалеке реки высажены огромные дубы: стволы сена не отвали уже подросла и зеленела, как в саду. На другом берегу расположились луга. Над водой кружились белые чайки. Переворачиваясь в воздухе, они на мгновение делались чёрными, как короны. Виктор, конечно же, не видел, потому что не отрывал глаз от девушек.

У круглогорной Фиалки, лежавшей на траве и тяжело вздыхавшей, Дарья Ивановна определяла выыхи коленного сустава. Герасим Петрович, не вылезая из кабины, насмешливо сказала, обращаясь к корове:

— Уважаемая, на две недели строгий постельный режим...
Прежде чем наложить Фиалке лубки, надо было выпрямить

вывих, и Дарья Ивановна с надеждой посмотрела на крепкие руки Виктора. Виктор нерешительно протянул их. Дарья Ивановна приготовилась сделать операцию, когда Виктор приподнял ногу коровы, но он уже первым своим движением причинил Фиалке боль, и та, замахав, попыталась вскочить.

— Послушай, может быть, ты? — сказала мне Виктор, виновато покрасив затылок. — Как бы от моей помощи ей хуже не стало...

Герасим Петрович, выглядывавший из кабинки, усмехнулся, а Оле отвернулась и прикрыла рот ладонью, словно собираясь чихнуть.

— Да помогите же кто-нибудь! — рассерженная, проговорила Дарья Ивановна.

Герасим Петрович вышел из машины и с усмешечкой подошёл к нам, на ходу засучивая рукава. Оля недоверчиво посмотрела на него, сунула мне свою сумку и выступила вперёд. Она ласково обнажила морду коровы, прикасалась к ней щекой, наклонилась и, что-то шепча, как бы успокаивая Фиалку, свободной рукой осторожно приподняла её ногу. Дарья Ивановна быстрым точным движением вправила сустав. Фиалка дёрнулась всем своим грузным телом, протяжно застонала, а Оле ещё крепче обняла её морду и сказала:

— Вот и всё, вот и всё...

— Блин! — прокризала Дарья Ивановна, обложив ногу коровы прыммы гладкими дощечками. Герасим Петрович скучающе зевнул и пошёл к машине.

Когда перевязка была окончена, Дарья Ивановна послала за пастихом, который точно сквозь землю проваливался, едва увидев ветеринарного врача, а сама стала писать акт о плохом надзоре за стадом.

Она присела на траву возле Фиалки и успокаивала её, как ребёнка. Прислушиваясь к чистому голосу девушки, я почему-то подумал, что это, должно быть, она собирает вечерами девчаг на речном откосе.

Виктор привёл пастиха — беспокойно шмыгавшего носом вихрастого парнишку. Дарья Ивановна ведела ему подписать акт. Герасим Петрович завёл мотор и вместе с Дарьей Ивановной поехал обратно в село, откуда он должен был привезти доски для настила и верёвки, чтобы погрузить Фиалку на машину и доставить её на ферму. Я, Виктор и Оле остались его дожидаться.

Солнце палило. Небо было бледно-жёлтое, раскаленное, над травой дрожал горячий воздух. Виктор взял у пастиха брезентовое ведро и сбегал на реку. Фиалка жадно выпила воду, и Виктор побежал снова. Вернувшись, он заявил, что напишет с Фиалки портрет подарит его Оле. Девушка засмеялась, а Фиалка подозрительно покосилась на Виктора выпуклыми глазами. Выхра-

стый парнишка-пастих, значительно кашлянув, заметил, что Фиалку уже дважды фотографировали для районной выставки. Но когда Виктор напомнил ему, что это по его недосмотру замолчала и ретировалась, то Виктор держал себя как-то странно. Он почти ненадменно взирал, без нужды суетясь возле Фиалки и избегая встречаться со мной взглядом. Он и на Оле старался не смотреть. Но когда вся-таки обращалась к ней, на его худощавом лице появлялось такое выражение, словно он хотел высказать девушке что-то давно уже наболевшее, но не знал, как это сказать. Я подумал, что Виктору и Оле надо бы поговорить насёдне, и сказала им, что пойду посмотреть на стадо. Они послешно поднялись и сказали, что пойдёт вместе со мной. Мы заспорили: Дарья Ивановна не ведала Оле отлучаться от Фиалки. Но тут видан показалась полторы Герасима Петровича. Виктор бросил свою папиросу и, сложив ладони рупором, стал звать пастиху. Оле как бы с облегчением вздохнула, весело посмотрела на меня и захлопотала подле Фиалки.

В тот день Виктор уже не брался за свои кисти. Он сходил в парикмахерскую, заложил между двумя томами моей «Технической энциклопедии» свой самый красавец галстук, а весь остаток дня пролежал на диванчике, мечтательно наслаждаясь. Он к чёрту хотели...

После ужина галстук из «Энциклопедии» исчез.

Я заснул вечером на речном откосе как-то не ладились. Казалось, там ждут кого-то и не могут дождаться, и уже не создавали впечатления, что пойдёт один голос, а были сыныши многие голоса.

Закат потуха мрачно, как бы нехотя. Соанце давно зашло, а на небе все ещё горели узкие розовые облака, будто вырезанные из цветной бумаги. На дальние луга легла большая тень. Ветерок затих, но запах свежего сена стал явственнее.

Герасим Петрович настроил приёмник, и Дарья Ивановна прёхлив своего обмыкновения не потребовалась выключить его, а лишь попросила убить громкость. Я представил себе, как Виктор и Оле идут сейчас по лугу, укрытым вечерней тенью. Узенькая тропинка вырастает перед ними в широкую дорогу, редкие зеленоватые эзбездочки дружелюбно помаргивают им с высоты, а громкий бол переполов понимающе замолкает при их приближении... Но когда я отрывался спать на сеновале, то увидел, что Виктор сидит на ступеньке лестницы с развязанным галстуком и, поддерев голову руками, неподвижно смотрит в одну точку.

— Как ты думаешь, — спросил Виктор, не меняя своей позы, — если она меня любит, станет она говорить, что окончательный

СЕГОДНЯ БОРЯ ОЧЕНЬ ГОРД...

Сегодня Боря очень горд,
ни с кем играть не хочет:
— Мы с мамой едем на курорт,
мы едем в отпуск в Сочи!

И целый день в топке ребят
рассказывает Боря:
— Я буду есть там виноград,
купаться в Чёрном море,

нырять и плавать на боку,
потом вальяжно по песку,
потом в волнах ловить медуз,
я их ни капли не боюсь!

Ребята Боре говорят:
— Ты хвастаёшся не очень,
ведь чтобы кушать виноград,
не надо ехать в Сочи!

В июле прямо в Сталинград
всегда привозят виноград.
Бери какой угодно сорт.
Зачем же ехать на курорт?

— И зачем ловить медуз? —
прошептала Варя.
— Лучше мы большой арбуз
купим на базаре.

У него на светлой корочке
зелёный поясок.
Бери и еши, пожалуйста,
любой кусок.

Вкуснее нет арбуза!
...Зачем тебе медуз?

Тогда дружным своим в ответ
сказал упрямый Боря:
— Но в Сталинграде моря нет,
а я пойду к морю!

И замолчали мальчики
и не нашли ответа...
Арбузы, правда, хороши...
Но моря, правда, нету...

И как же тут не загрустить
и головы не опустить?

Но тут как раз вошёл во двор
алёнин старший брат.
Он слышал этот разговор
и выручил ребят.

Он им сказал:
— Вон там ёдвали,
где тракторный завод,
машини движутся в тылу.
уже не первый год.

Там даже ночью не темно:
прожектора горят.
Там роет дно, морское дно
огромный земснаряд.

И мы работаем не зря
и днём и ночью там.
Мы сами делаем моря,
раз это нужно нам!

Пройдёт ещё немного лет —
у этих берегов
зажжётся яркий, яркий свет
прибрежных маяков.

И пляж устроит для ребят,
и даже чайки привлечёт.

Будет море рядом
с нашим Сталинградом!

ответ сможет дать только в письме, после того, как я защищу
диплом? Почему обязательно в письме? И сколько времени ещё
до той поры...

Виктор спрыгнула с лестницы, и даже в темноте было видно,
как его серые глаза вдруг заблестели.

— Ведь она хорошо ко мне относится... — сказала он и сёрнула
с шек глаукстук. — Буду ждать. Я ей слово дала, что не стану
наставлять.

Он быстро залез на сеновал и с головой завернулся в одеяло.
Сквозь сон я всю ночь смыкала, как он спался с боку на бок.
Утром Дарья Ивановна спросила его за завтраком, какие темы
для дипломных работ избрали они товарищи-однокурсники. Виктор
ответил невпопад. У него был совсем больной вид. Дарья Ивановна поняла, наверное, своим материнским сердцем, что это
за болезнь, и внимательно посмотрела на сына, покачала головой.

Виктор попробовал работать, но через минуту бросил кисть и
сказал:

— Не могу...

Походил по комнате, он задумчиво проговорил:

— Если бы я Олю не любил, моя картина была бы во сто раз
хуже...

Я подумала, что обязан помочь другу. Сняв с вешалки пиджак,
я направилась к двери. Виктор встрепенулся:

— Ты куда?

— Толка что-то не видно...

Я направился к кухне, но потом повернула к белому домику
ветеринарного пункта. Мне хотелось повидать Олю. Я вошла в
светлый коридорчик, где на стенах были развесаны плакаты с
изображениями животных, и вдруг услышала разговор, доносившийся
через приоткрытую дверь из кабинета врача. Голос Дарьи Ивановны строго и вместе с тем задумчиво произнёс:

— Эх, недадно тебе, Оля, поступила. Не любишь, так надо было
об этом сказать ему честно и прямо. В жизни ведь по-всему

— На я хотела прямо, Дарья Ивановна. А он говорит: «Я без
вас не мог бы так хорошо работать...»

— Всё равно надо было прямо...

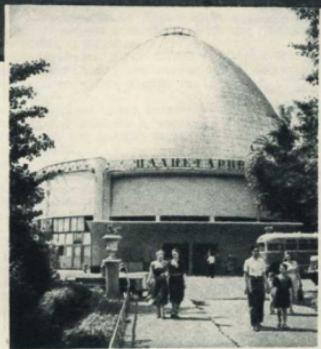
Я повернулась и вышла.

Дарья Ивановна привела Олю к нам обедать. Виктор волновался,
глаза его радостно блескали, а Оля краснела до слёз и ничего
не сказала. Она оба наперебой обращались ко мне с вопросами, по-
тому что не решались говорить друг с другом — Виктор от радостного смущения, а Оля из чувства глубокой неловкости, — и
по их глазам я яростно видела, что творится на душе у каждого.
Мне было жалко обоих. После обеда мы все вышли на веранду и
стали проирывать на патроне пластинки. Потом Дарья Ивановна
попросила Олю и Виктора сходить на ферму, узнать, как
себя чувствует Фиалка. При этом она многозначительно посмот-
рела на девушку. Когда Виктор и Оля ушли, Дарья Ивановна
дотронулась до картины, повернутой лицом к стене, вздохнула,
подошла к календарю и медленно перелистала его до сентября.
В ее глазах было грусть и тревога.

На следующий день я опять видел в окне коричневую спину
Виктора, склонившегося над мольбертом, и белую чалму. Он
работал сосредоточенно и тихонько настыльная мотив, который
чаще всего пели девушки на речном откосе. Каникулы кончи-
лись... Мы спешно вышли на работу. Виктор стал мальчишеским, слержан-
ней. Несколько дней я не видел Оли. Но однажды она прибежала
к своему расстёгнутому халатику и тапочкам на босу ногу эхать
Дарье Ивановну на земледелие. Она постаралась не показываться — про-
скользнула в дом, но Виктор всё-таки увидел ее. Он отложил
кисти, встал, шагнула наспех, но тут же сдергнул с себя и толь-
ко тогда я увидела, как она сидела на полу, склонив лицо
к земле, как Виктор сидел на полу, склонив лицо к земле.

«...На земле сидела Дарья Ивановна, склонив лицо к земле, —
вспомнила я. — А я в этот миг почему-то вспомнила
бескаркасные полы пишущих, которые писала Виктор, зелёные паху-
щие луга, задумчивые девичьи песни и подумала, что, несмотря
ни на что, любовь Виктора к этой девушке, большая и чистая,
ещё во многом ему поможет...»

ВСЕЛЕННАЯ ПОД КУПОЛОМ

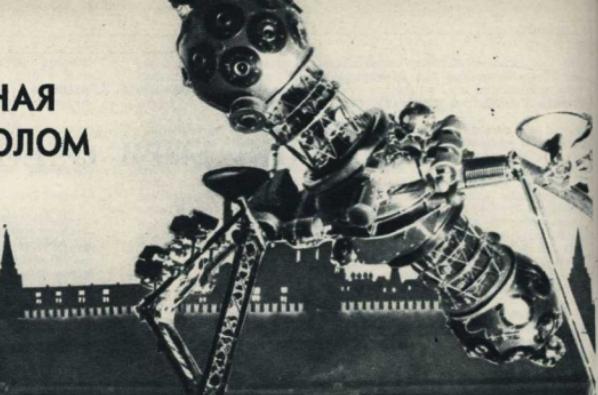
1. Серебристый купол здания Планетария виден издалека. Сюда каждый день устремляются множество москвичей и приезжих из самых отдаленных частей нашей страны. Лекции и доклады, читаемые в Планетарии лучшими специалистами, покоряют его посетителей возвышенностью строения Вселенной.

Раньше, познавая природу, человек считал, что сам он находится в центре Вселенной. И вот вспоминали античные, греческие, римские города утверждали, что земля — это центр мира. Потом пришлося отдать центральным место во Вселенную Солнце. Затем, когда на Землю великих людей склонили головы на плахах, спорело на кострах за свое стремление доказать истину: «Земля — только пепчинка во Вселенной».

Имена великих людей прошлого неизменно вспоминаются сейчас, когда замечательный астрономический инструмент очарованным глазам зрителя величие, бесконечность Вселенной.

Вот этот звездолет Планетария видно надлеся. Высота этой «Вселенной под куполом» — около сорока метров. Пона не заожены чудесные огни, посетитель Планетария может разглядеть на куполе серебристый бархат снея и силуэты зданий Москвы, вырисовывающиеся на «горизонте». И вот звездолет, как волшебный зал, на «бесе» — глубине и тишине, скрыт как настящем, — вспыхивают «звезды», проносится «кометы», медленно проплывает «Луна». Тот, кто зайдет сюда ознакомиться с новичком Планетария, Вам кажется, что на волшебном воздушном корабле вы мчитесь из самого центра Вселенной в космос, что время летит со сказочной быстротой.

Между тем самый принцип прибора, создавший эффект звездного неба, удивительно прост. Состоит он из двух куполов, фонарей соединяются в одно целое и управляются из одного центра при помощи множества движущихся фонарей. Фонари установлены в шарах с круглыми стеклами-глазами, приподнятыми всему прибору вид канонето-фокусистского двухголового «робота» — путем лучей магнитоэлектрических ламп, находящихся в этих шарах, распложаются металлические пластины с дырочками

2. Вот сердце Московского Планетария — аппарат планетарий. В нем скрыты тысячи «звезд», «Солнце», «Луна», «планеты». В одном из больших шаров — забытое «небо» северного полушария, в другом — южного.

кам, Тонкий луч, проравшийся в такое отверстие, дает изображение звезды на чёрном бархате купола — «небе». На небе представлено более 10 тысяч звезд.

Между двумя «головами» прибора помещалась еще целая группа механизмов с фонарями — «Солнце», «Луна», «Млечный Путь», «Венера», «Марс», «Юпитер», «Сатурн». Некоторым известны планеты не хватает: «Нептун», «Плутон» и «Уран» — невидимы. Несмотря на то что изображение отсутствует только световым пятнищником, отбрасываемым фонарями на экран «неба», создание механизма изображающего планеты, было труднейшей задачей. Ведь точность здесь требуется действительно астрономическая. Одна маленькая ошибка в положении планет относительно звезд!

Создание механизма изображающего планеты, было труднейшей задачей. Ведь точность здесь требуется действительно астрономическая. Одна маленькая ошибка в положении планет относительно звезд!

В планетарии время по инвалидам летят идут стрелки, и они находятся самодельные. Здесь электромотор может «прогнать» по «небу» ту или другую «светилу» с такой скоростью, что звезда пройдет в «небе» в минуту, или год, или минуту, в 7 секунду.

А особый мотор приводит в движение все «небо», и 26 тысяч лет успевают «научиться» звезды. Известно, что звезда — звезда за это время понимает свой место, уступив его другим звездам, и снова вер-

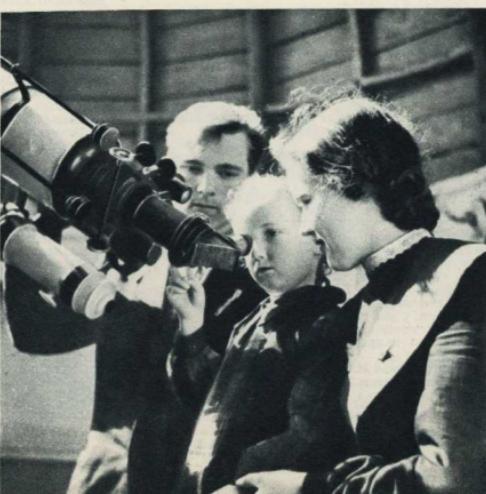
нется туда, где ей полагается находить на- шим глазам...

Есть еще люди, которые при слове «Вселенная» сразу же вспоминают планетарий. Вселенская? Зачем знать, как она устроена? Что изменится, если не будет точно известно, что расположено на расстоянии каких головорукожитильных цифр? Между тем эти знания теперь необходимы в самых различных отраслях промышленности, дают большое значение для науки и для техники.

Досточинно сказать, что Планетарий за время своего существования помог воспитать из молодежи множество штурманов воздушного флота, создать важнейшие промышленные предприятия, научные учреждения и штурманскую слободу. Десятки миллионов посетителей смотрели на искусственное не-бо «Вселенского» Планетария, и чудесное зрелище, которое оно давало, указало изысканный путь — увлекательнейшую трудовую дорогу астрономам, создателям новых отраслей промышленности.

А. МОРОЗОВ

3. На Солнце обнаружены пятна! Юная любительница астрономии первый раз в жизни смотрит на Солнце в большой телескоп обсерватории Планетария.

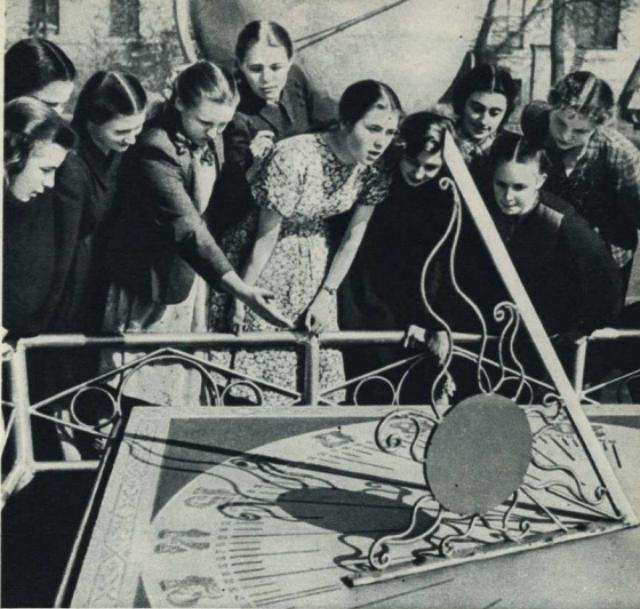
4. Долгими что заняты в астрономии. Планетарий где перед их глазами раскрылись тайны строения Вселенной. «Вернувшись на Землю», юные астрономы особенно внимательно рассматривают большой земной глобус.

5. Председатель совета кружка юных астрономов К. Порогинский знакомит молодежь с прибором для изучения видимого движения небесных светил — армиллярной сфере.

6. У «чудесного зеркала». Луна Солнца, собираемые этим зеркалом, плавят золото.

7. Медленно движется стрелка самых древних часов в мире — солнечных. Узкая полоска тени упала на цифру «16». А что сейчас показывают ручные часы?

8. Разнообразны занятия юных астрономов. В этот оптический прибор они днем наблюдают за планетой Венерой.

СТИХИ ЛИЛЯНЫ СТЕФАНОВОЙ

Перед картой Болгарии

Я сегодня вновь сижу за партой.
Родина моя на школьной карте.

Ваня острый кончиком указки
Тронул Черноморья синеву,
Берегов изрезанную линию —
И отряд весёлый, точно в сказке,
А вернее, словно наяву,
Унёдал живое море синее.

И уже ребят приветствят рады
Все подвластных солнечных луках
Берега Болгарии любими, —
Тёплый юг, где в поисках прохлады
По холмистым пастбищам в лесах
Бродят колокольчики незримо.

В тополях дома под черепичкой.
Белый путь извилисто бежит,
Устремляясь к золотой Загоре.
Там белы пластики на смуглых щеках,
Там проплывёт над полем ржни:
«Ой, как три девочки жали
на просторе...»

В гору — путь весёлого отряда,
По Долине роз, в той долине
Ароматы, цветущие ветки
Приспус солнце в гряды винограда,
Спелые абузусы в середине,
Словно красный иней, серебрятся.

Выше — склон горы в тумане тонет.
Мулы караю, легко ступая,
Вышел на заблестящие тропы.
С перевала мир — как на ладони.
Вон на север — ленточка Дунай,
На юг — суровыы Родопы.

Милые советские ребята,
Вас пути в Родопы привели,
Как я слезы радостными скрою!
Я была также же когда-то,
Но не знала так своей земли,
Детство было у меня другое.

Вновь указка проглатывает в путь,
Вот она с перинами горной сразу
Соскользнула вниз в Димитровграду.
...Если в наши школы заглянут,
В этот день перед картой Кавказа
Сентябрят весёлые отряды.

Перевод с болгарского
В. СОЛОУХИН.

Матерям павших друзей

Этот свитер пушистый,
Домашний затейливой вязки,
Эти тёплые варежки,
Связанные на спицах,
Вы, печальные матери,
С доброй заботой и лаской
Подерили сегодня,
В Мюнхен провожая учиться.

Эта мягкая пряжа,
Как долго она пролежала
В допотопном комоде,
В дубовой укладке старинной!

Болгарская поэтесса Лилия Степанова родилась в 1929 году в городе Стара-Загора.

В годы французской оккупации Степанова вступила в подпольную комсомольскую организацию РМС. После освобождения Болгарии Степанова Аминат стала членом Союза молодёжной прессы «ЕМОС». Её стихи и очерки печатались в «Работническом деле», «Литературном фронтовике» и других газетах и журналах. В 1952 году она стала первым лауреатом конкурса стихов Степановой Сечией. Лилия Степанова — студентка Литературного института имени А. М. Горького.

Издательством «Молодая гвардия» подготовлены сборники стихов поэтессы в переводе на русский язык:

Мать ёё берегла,
Мать восемьёрки ёё намотала,
И в мотках сохранился
Чуть слышний душок нафталина.

Этот свитер пушистый
Вязала ты, мама Стояня,
Для меня, для дочери.
Во время поздневидного боя
Он мечтал о Москве.
Но безжалостна тяжкая рана.
И поник он, твой малычик,
Кудрявой своей головою.

Сколько, мама Лазана,
Тепла в твоём каждом совете!
Ты был милого внука
Охотно отправила с нами,
Собрала бы в дорогу...
Повешен твой виук на рассвете.
Он был сильный и гордый,
Не сгрустись он перед врагами.

Ты жалевши мне, мама Драгица:
«Учись, будь здоров!»
Ты мне шаль свою дарила,
Украдкой слезу вытирая.
Имя Сталина, знаю,
Последнее слышное слово,
Дочь твоя, моя сверстница,
Пронзнесла, умирая.

Я в Москву уезжало.
Дармы Богатая, еду.
Дорогие друзья мои,
Матери наши седые,
Ваши дети погибли
За нашу страну, за победу,
И достойная их,
Возвращусь я домой из России.

Перевела с болгарского
Маргарита АЛИГЕР.

Когда вернусь...

В тот день осенний,
Может, будет дождь,
Блеснут дождёнки на твоих ресницах,
Ты в оконах на Киевской придишь,
Придёшь со мною, Аминат, проститься.

Мечты мои на родину летят!
Меня друзьям там, встретят на вокзале,
И, поискав тебя в толпе глазами,
Вдруг спросят мама:
— Где же Аминат?

Я сколько раз писала о тебе
Моим друзьям софийским, маме, Станке,
Что знают все, чем стала ты в судьбе,
С судьбы болгарки девушка горянка.

...У двери в клуб зелёные каштаны,
Огонь из окон серебрят листву.
О чём друзьям рассказывать я стану?
Я расскажу им про твою Москву.

И про тебя, родная Аминат!
Я вижу твой глубокий, тёплый взгляд,
Когда тебе над книгами не спится.
Я вижу, как студенты в круг спешат,
Когда ты в танце мчишься лёгкой птицей.

И вот в наш клуб, где в сентябре Победу
С Болгарской моей встречала я,
Толпы шумной за тобою следом
Водят мои московские друзья.

Здесь все, с кем подружилась я в России,
Простые парни, девушки простые,
Веський и талантливый народ.
И песни русские над залом пользываются...

И верю я, что в этот светлый вечер
Там,
на своей прославленной земле,
Товарищам в родной Махач-Кале
Про нашу ты рассказываешь встречу.

Перевела с болгарского
А. БЕЛЯКОВА.

Вдвоём в Москве

В метро осмотрели мы станций немало,
Московский троллейбус знаком.
Но лучше всего нам с подругой, бывало
Идти по столице пешком.

...Спешат москвичи, обгоняя друг друга.
Заметят не сразу, не вдруг
Недавно прибывши из горячего юга
Студенток, юланок-подруг.

Но нас не спрашивают незнакомые лица:
На лицах ни горя, ни бед.
Мы обе, как дома. Мы дома в столице,
Которой прекраснее нет!

На улице Горького тепло и прохлада,
Московские липы цветут.
Навстречу пахнуло дыханием сада,
Лесами повеяло тут.

Дома здесь повыше утёсов кавказских
И крахий албанской земли.
Чтоб ты по-аварски, а я по-болгарски
Со звездами речи вели!

Перевела с болгарского
Е. ШЕВЕЛЕВА.

МАСТЕР

В оскриптом ветром в Рубцовске, на Алтайском тракторном заводе, было гулять: десятилетие завода совпало с окончанием большой, сложной работы — безостановочного перехода с выпуска керосиновых тракторов на дизельные.

Широкими цепочками, пересмызиваясь и поглядывая на встроенные, щадя девушки. Парни, пока не начались танцы, держались отдельно. Инженеры и мастера неторопливо прохаживались с приварившимися по-праздничному жёлтыми, вспоминая, как неприятно здесь было одиннадцать лет назад, когда они приехали сюда налаживать новый завод: непролазная грязь на месте нынешнего нарядного проспекта, голая степь вокруг заводских зданий, неустроенная, бывающая жизнь.

А теперь смотрят, как разрослись посаженные младенцы: Да побереги голову! Крепкие, смоки, они широко разбросили шаги и тут же вынылись удивительным образом, быстрее, как те юноши и девушки, что их сажали. Каждый вечер только — одна робко, другие задорно — приходили подростки из окрестных колхозов и городков в недостроенные пеки. Пришлось сними горы хлебнуть. Теперь они мастера, отцы семейства.

Думает о прожитых здесь годах и двадцатилетний мастер Алексей Широкорад. Улыбается широкой, весёлой улыбкой. Сейчас даже вспоминает ему странно, как девять лет назад он впервые пришёл в моторный цех, тогда ещё искрив, тёмный, ютимавшийся во временнем помещении, и мастер сборки, кинув на него равнодушный взгляд, сказал:

— Куда же такие? Ещё из детского сада пришли? Иди, или, мальчик, не пугайся под ногами.

А Лёша тогда уже кончил семилетку. Роста он был небольшого, худенький, но здрав. Нахлобучную шапку, Широкорад какsoon придумывал, как бы пообещать старичку мастеру. Но он не успел и рта раскрыть: его взял за плечо и поверну к себе мастер соседнего участка.

— Хотешь работать? Пойдёт. Меня зовут Михаил Михайлович. Слесарь согласен?

Лёша кивнул головой.

На следующий день он оформился учеником в отделение сборки моторов. Мастеру Лёши учили нечто особо краино надоели: все приставали с рассказами. Ему вручнули завинтить гайки в собранном узле, а он тут же начал допытываться, для чего нужна узел. Ему поручили одну из операций сборки водяного насоса, а Лёша нужно было узнать принципы работы насоса и способ обработки деталей, которые он собирал.

Время было военное. Завод только налаживался. У мастера — тысяча забот, ежеминутно возникают дела, которые нужно решать сразу. А тутуть не каждые полчаса подбегают парней с вопросами, не имеющими никакого отношения к сегодняшней работе. Да и вопросы такие, что языками словами не отделяешься.

Михаил Михайлович понимал, что люди, которые пускали в тот год Алтайский завод, — харкковские и ставропольские тракторостроители — засыхали будущих кадров. Эти юноши и девушки, приходившие на завод из железнодорожного посёлка и окрестных колхозов, приехавшие из горного, из степного Алтая и удивительно глядевшие на самый обыкновенный токарный станок, через десять лет будут хромезами в пеках. Нужно их вырастить.

И мастер терпеливо отвечал на вопросы, по-

Ново-Краматорский машиностроительный завод имени И. В. Сталина. Прессовый цех, погрузка поковок.

Фото А. Устинова.

сыпал Лёшу в библиотеку. Литературы о тракторах было мало. Но Широкорад нашёл несколько книг о производстве автомобилей, изучил их, чтобы разобраться в значениях и принципах работы каждого узла, каждой детали, с которыми ему приходилось иметь дело.

Через год он уже был инструктором, помощником мастера по входу в рабочий строй участников.

Нелёгкое это было для него дело. Инструктировать приходилось не только таких же подростков, как он, но и взрослых. Попробуйте же, если я вам скажу, авторитет, когда голос у него звучит, как баритона на диктанте. Но Лёша не делал спуску ни себе, ни другим. Когда он потребовал у нескольких рабочих, чтобы они не куршили на сборке стоящего на изголовье агрегата таким лесным сmekом, что инструктор побежал выплясывать в тёмном углу. Но он не сдался. На следующий день повторил свой требование. Притгрошил побить.

Он пошёл к мастеру. Тот, занятый другим, скользнул:

— Да брось ты пустяками заниматься! Лёша пошёл к старшему мастеру. И тот подтвердил распоряжение да ещё заставил рабочих извиниться перед инструктором Широкорадом.

Был в отделении подросток, которого никак нельзя было привлечь к чистоте. Ходил грязный, в грязной спонке, и вскоре его рабочего места всегда вязлое имелось знать. Откуда только бралось столько хлама? На «янтаринуске» решили привести младенца в человеческий вид. В час обеденного перерыва, когда тот по привычке заснул, принесли тёплую воду, мыло и оттерли с него грязь в принудительном порядке. На операцию сбежала, смотреть всё отделение, и смущённому парню пришлось принять десяти поддавлений. После обеда он уже сам прибрал своё рабочее место.

Любимая мелодия.

ФОТО Ю. ЧЕРНЫШЁВА.

Иван Грозный.

Скульптура М. Антоновского.
Государственная Третьяковская галерея.

М. М. АНТОКОЛЬСКИЙ

Русская скульптура второй половины XIX века не знала имени более значительного, чем Антокольский. Создатель замечательной серии исторических скульптурных портретов государственных деятелей и знаменитых учёных, произведений, проникнутых большим философским содержанием, Антокольский по праву занимает видное место в истории нашего отечественного искусства.

Вместе с Крамским, Репиным, Суриковым, Васнецовом, Левитаном, Серовым Антокольский создавал то совершенные по форме, глубокие и многогранные по содержанию произведения, которые представляют собой классические произведения русского реализма эпохи его высшего расцвета.

Марк Матвеевич Антокольский родился в 1843 году в Быньине. Здесь, в семье бедного ткачницы, прошла тяжёлая, бедственная юность будущего скульптора. Тайно от семьи, в немногие свободные часы, а то и ночью Антокольский лепил из глины, реаль из дерева первые свои работы. Счастливый случай помог ему: один из английских меценатов, человек влиятельный, заметил и оценил работы талантливого юноши и помог ему поступить в петербургскую Академию художеств. Это произошло в 1862 году. В следующем, 1863 году в Петербург приехал Репин, с которым Антокольский очень близко подружился: вместе они учились, размышляли об искусстве, формировалась как художники. Эта дружба сохранилась на всю жизнь.

Эстетические воззрения Антокольского и Репина складывались и развивались, под непосредственным воздействием зачинателя направления передвижников художника Крамского и виднейшей теоретики русского реалистического искусства критика Стасова.

Стасову Антокольский обязан особенно многим: знаменитый критик буквально пробивал дорогу в искусстве для молодого скульптора. Антокольский стал известен русскому обществу в основном благодаря стасовским статьям, которые горячо, убеждённо пропагандировали его произведения. «Знамя», которое служило нам примером, символом любви к правде, к искусству, к родине и к человечеству! — так оценивал роль деятельности Стасова Антокольский, уже будучи известным мастером.

Первые произведения скульптора, созданные им ещё во время пребывания в Академии, носят характер чисто живописного. Такие вещи, как «Скульптор», «Иконописец» — это своеобразные скульптурные рассказы, изображающие множеством бытовых деталей и подробностей. В этих произведениях ещё нет значительных образов, формальной целостности.

Но если сравнить даже самые ранние, ещё незрелые работы Антокольского с теми холодными, бесстрастными, отвлечёнными произведениями в классическом стиле, которые были обычны для русской скульптуры тех лет и служили привычными образами для профессуры Академии художеств, то станет ясно, что приверженность к жизненной правдивости и психологической выразительности была свойственна Антокольскому уже с первых самостоятельных шагов в искусстве.

«Правда в искусстве», — писал скульптор Стасову, — выше всего, но чем больше правды, тем сильнее должны быть художественные формы, и тогда только создание может быть истинным творчеством. Такой задачи теперешнего реального искусства и того принципа я держусь во всех моих работах».

Первая подлинная зреальная работа Антокольского — статуя «Иван Грозный», показанная на первой выставке Товарищества передвижных художественных выставок.

Она создана в 1870 году, отлита из бронзы в 1871, затем в 1875 повторена в мраморе (в Третьяковской галерее находится мраморный, самый ценный по обработке вариант статуи).

Значение этого замечательного произведения скульптора не только в том, что оно обладает огромной эмоциональной выразительностью,

ной деятельности Грозного, его военный и дипломатический талант, историческая необходимость тех порой весьма кратких мер, которые он предпринимал для достижения своих политических целей. Но несомненно одно: вопреки односторонним суждениям многих своих современников об Иване IV скульптор показал его как мудрого государственного мужа, человека огромной силы и глубокого, смелого, решительного ума.

Антокольский изобразил Ивана IV сидящим на троне. Погруженный в думы, он склонил голову, сдвинул сурволовые брови, покрытые движением тонкой, первыми руки скжали подлокотник трона. На коленях его — раскрыта книга, Грозный был, по словам современников, «в науке книжного поучения доволен», «во словесной премудрости ритор». Вся фигура царя полна трепетного внутреннего движения. Это не только портрет царя, но и портрет его эпохи — напряжённой, полной яростной и сложной борьбы различных общественных интересов.

О том впечатлении, какое произвела на современников статуя Антокольского, рассказал И. С. Тургенев: «Впечатление эта глубоко, что отдалась от него невозможно: невозможно представить себе Грозного иначе, чем каким его подстерегла фантазия Антокольского. По искренней правде, гармонии и несомненности впечатления его произведения напоминает древних, хотя, с другой стороны, оно существует свою принадлежит к новейшей характеристической школе ваяния».

Эта весьма точная и яркая оценка работы Антокольского, несомненно, может быть распространена и на второе крупнейшее создание скульптора — «Петр I» (1872). В нём совершенство и законченность исполнения, присущие классике, соединены с острой и чёткойностью психологической характеристики.

Петра I, как и Ивана IV, Антокольский изображает сильной, целеустремлённой личностью, стремится воплотить в его образе наиболее важные и значительные черты эпохи его деятельности.

Огромная, могучая фигура царя устремлена вперёд, вдохновленное лицо его даёт страсть, энергию, волю. По сравнению с «Иваном Грозным» Антокольский здесь более скромен, подоброты обстановки, одежды и т. д., но военный мундир, треуголка Петра и подзорная труба в его руке — весьма красноречевые детали: «То академик, то герой!»

Статуя Антокольского не потерпела, конечно, всего сложного и многостороннего образа выдающегося деятеля русского государства, но она и поньше остаётся одним из самых выразительных и исторически точных изображений Петра I.

Образы русской истории увлекали скульптуру и на последующих этапах его творческого пути. Автор «Русской правды» Ярослав Мудрый, Иван III, Ермак, легионец Нестор — вот герои его произведений.

Среди этих работ выделяются своей яркой характеристичностью и пластической цельностью «Нестор-легионец» (1889) и «Ермак Тимофеевич» (1891).

Пётр I.
Государственная Третьяковская галерея.

законченностью форм, монументальностью. Русское общество 70-х годов восприняло статую Антокольского как своеобразную попытку пойти наперекор неправильному, но весьма упрекаемому в ту эпоху мнению о личности и деятельности царя Ивана Грозного. Мнение это, высказывавшееся многими историками и отражённое в целой серии исторических новостей и картины, рисовало Ивана IV исключительно как кровавого, жестокого деспота.

Конечно, было бы натяжкой утверждать, что Антокольский сумел в полной мере понять и оценить прогрессивный характер государствен-

Замысел скульптуры «Нестор-летописец» возник у Антокольского задолго до её создания, когда он, читая пушкинского «Бориса Годунова», восторгался образом Пимена. «Так мало говорит о том Пимен», — писал скульптор ещё в 1874 году, — и так ярко и цельно видна его покойная, кроткая и вместе с тем величественная натура».

«Нестор-летописец» — это именно такая, «покойная, кроткая и вместе с тем величественная натура». Худой, измождённый непрестанными трудами старик в строгом монашеском одеянии изображён за письмом летописи. Он склонился над рукописью, сутулый, хрупкий. Но вместе с тем есть в его облике и просветлённость и величавое спокойствие: фигура летописца словно бы освещена отблеском тех событий, которые он излагает. С мудрой и торопливостью, чтильно взиравшей свою оценки, Нестор завершает благородный труд, сообщая потомкам «земли родной минувшую судьбу».

Совсем иные черты русского народного характера отразил Антокольский в «Ермаке».

«Главное», — писал он, — мне хотелось в нем выразить русскую смелость, удальство, при полной бодрости и силе». Талантливый, отважный, воинственный Ермак внес свою немалую лепту в дело объединения многонацонального государства Российского. Ермак и в действительности был человеком богатырской удали и размаха, а народные песни и сказания окружили его образом бывшего богатыря. Таким и показал его скульптор. В шлеме, с секирой в руках, одетый в броню, которая ладно сидит на его могучей фигуре, Ермак уверенно шагает вперёд, насторожу поднявши и ратной славе. Эта скульптура Антокольского стоит в одном ряду с «Богатырями» В. Васнецова, «Богатырской симфонией» С. Бородина и другими замечательными произведениями русского искусства, воспевающими красоту, силу и благородство народных героев.

Антокольский нередко обращался в своём творчестве и к образам великих зарубежных философов, мыслителей — «мучеников за идею». Такими «мучениками за идею» показал он древнегреческого философа Сократа и знаменитого учёного XVII века Спинозу. Здесь скульптор поставил перед собой сложные психологические задачи, которые решил тонко и своеобразно.

Реалист и демократ, Антокольский был полноправным патриотом Родины. Из-за тяжёлого недуга он вынужден был простоять большую часть своей жизни за рулем. Но всеми своими чувствами и помыслами он всегда был с Россией и её великим народом.

«Всю свою горечь и печаль, все мои радости, всё, что вдохновляло меня, что создало мной, — всё это от России и для России», — Я предан ей всецело, всей душой; ей жизнь, ей история стала моя дорога... Моя жизнь, мой талант я ей посвятил».

Глубоко ощущая свою связь с Родиной, Антокольский постоянно поддерживал переписку со Стасовым, Крамским, Репиным и многими другими близкими ему людьми.

Эпистолярное наследие скульптора, составляющее около восьмисот писем, поражает богатством мыслей, свидетельствует о том, что Антокольский постоянно чувствовал себя актёмином деятелем русской художественной культуры, непреклонно убеждённым, что именно Россия «скажет своё особенное, свежее слово среди международного искусства».

— В 1902 году он умер.
Творчество замечательного скульптора-патриота М. М. Антокольского входит в сокровищницу русского искусства, служит для наших советских скульпторов образцом сочетания идейности и мастерства.

Н. ТОМСКИЙ,
народный художник РСФСР.

Кончился рабочий день. Девушки спешат в общежитие. Сегодня в красном уголке состоятся обсуждение новой книги.

Фото А. Винторова.

У НАС В ОБЩЕЖИТИИ

Н е так уж много воды утекло с того времени, когда вызывали в партком комбината председателя совета общежития Тани Гуртову и сообщали ей, что к нам назначен новый воспитатель — товарищ Лапашов. Таня представляла себе пожилую, рассудительную женщину в очках и ваххаху. Поневоле в очках. Таня выспренно не могла вообразить себе такого человека.

Однако товарищ Лапашов оказалась молодой, всего года на четыре старше самой Таня, женщины, с добрыми, мягкими чертами русского лица.

Лапашов познакомилась с Таней и со всеми девушками, жившими в общежитии. Но на первых порах она словно и замечала своего воспитателя. Это, пугало Лапашов. Недаром директор Егорьевского медаллжевого комбината, отправляя её в общежитие, предупреждала: «Делай всё легко. Способности к нему тебе есть, знаешь про прошлому, но без ходячего труда ничего не получится».

То что это действительно было чудёжное дело, Лапашов по-настоящему поняла только спустя некоторое время соединения собственной беспомощности. Но нельзя же сразу рассказать девушкам о том, как она, Саша, мечтала попасть именно на такую работу, как теперь у неё ничего не клянется и как ей хочется, чтобы они поняли и подыбили её.

Лёд сломался нежданчиво. Началось это с пустяков. Таня Гуррова решила сшить себе праздничное платье. Кроить она не умела, и Саша Лапашов взялась ей помочь.

— Откуда я шить научилась? — переспрашивала Саша, раскрашивая матерю. — Я ведь портнихой была. Что ж тут удивительного? Отен на фронте погиб, нас в семье пятеро осталось, и ну и как окончила восьмую классов, пошла работать. Только не занялся

вала меня эта профессия. Потом замуж вышла, родился сын... А когда Гера подрос, опять стала работать, на этикеты, этикетчили. Платы поднимали на славу и вызывало одобрение таких подруг. Достаточно было того, чтобы девушку, и в первую очередь Таня Гуррова, почувствовали, что Лапашов интересуется их жизнью, как они потянулись к ней со всеми своими радостями, неудачами, вопросами.

Произошло ещё один случай, который окончательно заставил общежитие поверить в своего воспитателя.

В общежитии поселилась кротильщица Байкова, молодая работница комбината. Появление её во второй комнате девушки хорошо запомнили. Капитолина Байкова, получившая в своё владение кротиль, первым делом забила город подушки и повесила на стену картинку, изображавшую кротика, оранжевого, ходящего солнечного, томную длиннолицую красавицу, плавающую за парой лебедей.

Капита была утромного звала и через несколько дней после приезда в общежитие затесана на кухне скору из-за пустяка.

— Очень она странная, — сказала Таня. — Неряха, — коротко определила Маша Павлова: вчера Маша была дежурной и вымыла миски из-под тумбочки и койки Байковой кучу мусора.

Капитолина видела неприменное отношение к себе и, как это часто бывало, считала причиной этого не себя и своих поступков, а поступки и характеры своих соседей. Она не искала дружбы с девушками, замыкалась и застыла, не в силах выйти в них одно плохое, чтобы отразить свой поведение.Правдивость и прямота Марии Павловны она принимала за смиренность, заботливость. Таня Гурровой — за щедрость, и хохотуны Таня Кирilloва каза-

лася ей пустой насмешницей. Капитолина по-
нимала, что нужно переговорить с девушкиами,
сказать им что-то о души и объяснить, что
она не такая уж плохая, как они думают, но
сделать этого не могла.

В дни дежурства Капитолина по комнатае
председатель «Станкотрик» Нина Киселева ста-
вала виноватой за состояние позорное
«предстраданием к братьям» вымысел, при-
суждённый лучшей по чистоте комнате, ре-
шебка из второй в седьмую.

Капитолина старалась не обращать внимания на всё происходившее вокруг. С работой
крутильщины — одной из наиболее ответственных
в текстильном деле — она понемногу
справлялась, к тому же поступила в вечернюю
школу и втайне лелеяла мечту о техни-
куме.

Эта отвратительность Капитолину от коллектива
тревожила Сашу Лашову. Она долго присматривалась к девушке, разговаривала с ней,
стараясь разгадать её. Саша видела, что Ка-
питолина из ложного самолюбия не пойдет сама
на встречу вымыслам, — решала, что этот шаг
нужно сделать им — всем второй комнате. Об
этом она однажды долго беседовала с Машей
Павловой, Таней Кирилловой и Ниной Кисе-
левой.

Наступила пора экзамена, и Капитолина, заканчивавшая шестой класс вечерней школы, все дольше засиживалась над книгами.

В день сдачи первого экзамена, совпадавшего с её дежурством по комнате, она наскоро сбегала в душ и, дочитав последние страницы учебника, пошла в школу. Оценки ей поставили хорошо, но, как только первые радости улетели, она вспомнила, что день уже на исходе, капитана её не убрали.

Девчата спали в комнатах и пили чай. Только теплая Капитолина покраснела, как она голодна, но обиженности прежде всего! — Где веник? — спросила она у девушек. — Я сегодня забыла подметки.

Таня звонко расхохоталась, а вслед за ней, не выдержав, рассмеялись и остальные.

Капитолина удивленно огляднулась. Пол был чисто вымыт.

— Кто мы? — спросила Байкова.

— Я, — ответила Маша Павлова сквозь смех. Капитолина чуть было не привыкла не сказать что-то вроде: «А кто тебя просил?» — но вместо этого благодарно улыбнулась и опустилась в кресло.

— Ужинать будешь, Капа? — спросила Таня Гурова.

— Я сегодня не готовила. Не успела.

— Мы приготовили. Знали, что придёшь голодная...

Таня Кириллова помогает в работе Зине Волковой, недавно окончившей школу ФЗО.

Запах жаркого был очень заманчивым, и Капа не отказалась.

Уже в постели она сквозь сон вспоминала, что сегодня случилось что-то новое, приятное. Правда, это новое только еще зарождалось, но сразу было крепким, радостным, и называть его хотелось хорошим словом: дружба.

На следующий день после работы Капа убрала комната и уснула за книги. Маша Павлова хлопотала на кухне, тем же знакомым Капа слегка горячим покровом покрывала на распакованные в коридоре дежурок:

— Тише, расспаслы! Занимается человек...

Этот новый, светлый день был началом перемен, происшедших с Капитолиной.

Настоящая дружба завязалась у Саши Лашовой с Таней Гуровой. У Таны, как и у Саши, была короткая, но сложная биография. Не легко и не просто прожила Таня свои 20 лет. Маленькой девочкой, ещё в годы войны, Таночка помогала партизанам, носила им еду и патроны. Гильермо сожгли деревню, замучили татину мату.

Теперь Таня — стахановка, одна из лучших ровесниц комбината. Главное, что связывает Таню и Сашу... — это общие большие дела. Обе они вступили в комсомол. Комсомольской партии поручили важную воспитательную работу. Для Саши Лашовой нет ничего увлекательнее и почетнее этой работы. На её глазах и под её взглянием молодёжь растёт, учится, работает, вступает в комсомол, в партию. Бывает и так, что, взглянув на человека, Саша вспоминает первую встречу с ним и сама удивляется происшедшему в нём счастливым переменам.

Об юности Лашовой называют любопытно и с гордостью: «Наша Саша». Ей дарят самое затяжное, самое главное.

Саша никому не признается в том, что у неё есть любимица. Да, она, конечно, любит из всех, простых, честных, трудолюбивых девчушек, но её-то таки у неё есть любимица. Это Аня Субботникова, небольшого роста, подвижная черноглазая девчушка. Для неё нет ничего, что бы она не смогла сделать, и притом горячо, со всей душой. Аня — бригадир лучший на комбинате комсомольско-молодёжной бригады. Таня Гурова, член парткома комбината, давала Ане рекомендацию в комсо-мол.

Казалось, для этой девуш-

ки нет и не может быть сложных и неразрешимых вопросов. Но настало один такой вопрос, с которым она обратилась к Саше Лашовой.

Познакомился с Аней на танцах в городском саду Юрий Пучков, молодой рабочий комбината. Познакомился — и влюбился.

Он был из числа тех парней, которые не прочь «пофорсить». Его не раз видели подвыпившим, Круглая кепка с коротким козырьком всегда свинцита на затылок, а белесый чуб выбивается на широкий лоб. Юрий доставляя до удовольствие, что другие говорят о нём, — о беспартийном забытце. С годами он раскрасился, оброс зубастыми, а пока молодой — гузиями, казал Аня, склоняясь к Юрию, что ни о каких встречах между ними не может быть и речи, если она хоть раз увидела его взвеселась.

— Ну что ж, правильно сделала! — сказала Саша. — А не поймёт он этого, — значит, не любят, и нечестив встречаются.

— Но ведь он совсем не такой плохой. Он мне нравится, — призналась Аня.

Саша долго говорила с Аней о большой, настоящей любви, о том человеке, с которым можно связать жизнь. После этого разговора Аня глубже стала интересоваться характером Юрия.

Без тяжёлых переживаний он порвал дружбу с привычными «своими друзьями». Юрий неожиданно открыл свою любовь девушки, о которой говорили на комбинатских собраниях, имя которой было на доске почёта. Вскоре об изменениях, произошедших в его характере, заговорили в цехе — начали с улыбками, потом всерьёз.

Отец Юрия, старый мастер, привёз в общежитие поговорить с девушкой, которая так появилась на его сына. Прощаясь, тёбрея в плюсках замаскированную фуражку, он долго благодарил и Сашу Лашову.

— Совсем парнишки изменились. Бывало, «здравствуй» не скажет. Теперь к завтраку выходит, подзодравляет, о моём старикином состоянья. Я ему говорю: «Ну же, скажи ты тебе, сынок?» «Нет», — отвечает, — она не хочет. Сначала, говорит, нужно вечернюю школу кончить.

...Да тысячу раз правы были те, кто говорил о необычайной трусливости работы с детьми. Но Саша Лашова не променяла бы её ни на какую другую работу.

Зачастую ей приходится возвращаться домой поздно: то собираются в общежитии, то пленум горкома комсомола, то просто засиделась у девушек за дружеской беседой.

Сын Генка бросается к ней, обхватывает шею руничками:

— А я тебе ждал, ждал, мамочка!

Саша кормит его, укладывает спать. Из-за отсутствия в комбинате детского сада Саша думает о Генке, о его судьбе и о тех, кому доведётся быть его воспитателями в жизни, и она не беспокоится за сына.

В. СМИРНОВ

г. Егорьевск.

Таня Гурова решила сшить себе новое платье. К кому же обратиться — с советом, например, не с Саше Лашовой?

Ленгстон Хьюз

Ленгстон Хьюз — известный прогрессивный американский писатель, родился в 1902 году, в штате Миссури. В своих произведениях Хьюз выступает против дискриминации негритянского населения США.

— Я не красный, — начал Симпл, стукинув кулаком по стойке, — но иногда я бываю раскален докрасна.

— Что случилось?

— Да вот, когда тот, на кого мы работаем, пускается в рассуждения, я буквально раскальяется докрасна. На днях подходит ко мне босс и говорит, что я работаю спустя рукава. А я просто задумался о моей Джой. Ему отвечал: «Что значит «спустя рукава»? Разве вы не видите, что они у меня засучены?» А он мне говорит: «Я знаю, что вы не желаете работать, как раньше. Ему отвечал: «А доллар не желает покупать, как раньше. Платите мне больше, и буду больше работать».

— Что же он тебе ответил?

— Он мне отвечал, что я разговариваю, как красный. Я ему спрашивал: «Что значит «красный»? Он отвечал: «Ты отмальчишь, что это значит красный — коммунист. Не окажи я от тебя такого. И это после всего, что наша страна сделала для вас, негров!» Ему я: «На мой взгляд, человек может быть любого цвета, лишь бы не синего. Я был давно посыпан, как мертвый, если бы не драли за свою правду». А он мне: «Нет такого права — получать зарплатную плату и не работать». Тут я ему отвечал: «Я работал, работаю и буду работать. Но ведь человек должен есть, одеваться и иметь крышу над головой. А у меня еле-еле душа в теле. Как вы полагаете, есть у меня душа?» Босс вскипал: «Какое мне дело до твоей души! Мне подавай работу! А разговариваешь ты, как коммунист. Я не потерплю красных на моей фабрике!» Я говорю: «Совсем недавно вы не хотели терпеть чёрных, теперь вы не тер-

пите красных. У вас какое-то цветовое помешательство». Это его окончательно избесило. «У меня работают шесть негров!» — закричал он. «Да, шесть, — подтвердил я, — из шестнадцати рабочих. Да и тех вы взяли лишь потому, что во время войны не нашлось никого другого. А какую работу вы нам даёте? Самую грязную. А заработную плату? Самую низкую. Вам нет дела до нас, негров. Меня вы готовы выплыть, хоть сейчас. Ну, что ж, если вы меня уволите, я наверняка стану красным, я уж и так раскальялся, докрасна. Но только попробуйте выплыть!» Тут же сошёл в профсоюз. «Иди и продолжай работать», — сказал босс и ушёл, не оглядываясь. Ему не хотелось иметь неприятности с профсоюзом. А я, приятель, был действительно вблизи!

— Теперь-то я наверняка думаю, что ты красный, — сказал я.

— Чо ж тут красного — добиваться проприальной заработной платы? А работа? Разве она нужна только красным? Разве холода надоели только красным?

— Что ты на меня ричишь? Я-то ведь не холода.

— А ты намекашен! Ты думаешь, что если ты не работаш на белого...

— Ну вот, опять рассорые проблемы! Саником ты к ним чувствителен.

— Я чёрный, — сказал Симпл, — но я становлюсь красным, если будет там продолжаться. А синим я не стану, будь уверен! И пока стоит земля, я буду защищать свои права!

— Будь осторожней, а тебе потешат в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности.

— Что ж, я бы хотел, чтобы этот старый председатель-южанин послал за мной. Я бы

наговорил ему больше, чем ему хочется услышать!

— Например?

— Например, я сказал бы ему: «Ваша честь, я хочу сообщить вам, что я родился в Америке и живу в Америке. То, что я негр, не мешает мне быть американцем. Я даже вступил в демократическую партию. А потом я его спрошу: «Как это случилось, ваша честь, что в вашей комиссии по расследованию антиамериканской деятельности нет ни одного негра?»

— А старый председатель из Джорджии ответит тебе: «Этот было бы по-американски».

— Тогда я скажу: «А быть машинистом на паровозе тоже не по-американски? Я ещё не видел ни одного негра-машиниста. На железных дорогах неграм можно только подметать вагоны и стелить постели. Это по-американски?»

— Председатель тебе скажет: «Да, подметать — это по-американски».

— «Хорошо, — скажу я, — считайте меня антиамериканцем, но я хочу водить поезд».

— «Ты, наверное, из тех красивых, русских?» — скажет тебе старый председатель.

— «Ни то, ни другое, — я ему отвечу. — Я, как ты, родился на юге. Но мне совсем не нравится, возвращаться домой в Дикси, ехать вагоне для цветных. И проводником я не хочу быть, даже в пульмановском вагоне. Я хочу когда-нибудь стать машинистом».

— «Ты красивый, ты русский! — завопит председатель. — Ты хочешь разрушить нашу страну!»

— «Ваша честь, — отвечу я, — даолжен согласиться, что я действительно не пропустил перетяги хотя бы половины ёё, южную ёё часть, — от Виргинии до Мобиля, — чтобы потом построить ёё заново».

— «За неуважение к суду, — завопит председатель, — взять этого интеграла!»

— «Но, ваша честь, — спрошу я, — только что вы называли меня красивым и русским, а теперь я снова чёрный и ниггер. Кто же я и на самом деле?»

— «И я и другое, — ответит председатель.

— «Но почему? Только потому, что я хочу быть машинистом?»

— «Да, потому что ты хочешь быть машинистом. Наша страна — страна белых лжецов и белых машинистов. Ездить в вагонах для белых, по крайней мере там, где я родился, тебе тоже нельзя».

— «А для красивых, русских, — спрошу я, — я у вас тоже отдельные вагоны?»

— «Пока нет, — рявкнет председатель, — но будет, как только я проведу мой закон!»

— «А где тогда я буду ездить, — спрашивая я, — в вагонах для красных или в вагонах для чёрных?»

— «Ни в тех, ни в других ездить ты не будешь, — ответит председатель. — Ты будешь сидеть в тюрьме!»

— «Тогда я разнесу вашу тюрьму, потому что у меня есть право добиваться свободы и счастья».

— «Оскорбление суда!» — заорёт председатель.

Но тут я вымыслен был прервать воображаемое заседание комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, потому что в это время хозяин бара трижды выключил и снова включил свет, давая знать посетителям, что пора расходиться домой.

— Послушай, — сказал я моему другу, — ты пьян, а когда ты пьян, ты оба всем толкаешь слишком просто. А дела не так устроены.

— Да ведь я и не прост, — ответил Симпл.

Перевод с английского
Р. КУШНИРОВ.

ПИСЬМО ИЗ АНГЛИИ

Предо мной лежит письмо от моего молодого друга Гарри, монтера телефонной связи. Я видел его в последний раз около двух лет назад, когда он в составе делегации английской молодёжи был в Москве.

Мы сидели тогда на строительном плацдарме перед зданием Московского университета. Под Москвойских горах, и мне хорошо запомнился разговор в автобусе между Гарри и одним из советских товарищих.

— Я привык относиться к будущему несколько скептически, — заметил Гарри. — Когда я сразу же после окончания войны начал работать, я верил в большие перемены, но они так и не наступили. И потому прошу извинить, если мои вопросы покажутся тебе странными.

Вот ты говоришь о пути к коммунизму, — продолжал он. — Но скажи, пожалуйста, что же вы будете делать, когда пройдёт этот путь? Не окажется ли тогда, что у вас нет больше никакой цели в жизни?

Я понимал, что Гарри говорит без всякого злого умысла. Подобного рода вопросы часто обсуждаются английской молодёжью во время политических споров, и неоднократно можно услышать, как кто-нибудь спрашивает: «А что вы будете делать, когда добьётесь на конец вашего социализма?» Такие вопросы обычно задают люди, приехавшие из стран, где социализм и коммунизм имеют поистине теоретическое представление, где молодёжь не знает, что значит жить при социализме и практиче-

ски окказалась у целей нашей поездки. Пока наш спутник подробно разъяснял, что при коммунизме будут высвобождены огромные reservoirы людской энергии, что это обеспечит небывалый в истории расцвет человеческих способностей, мы оказались у целей нашей поездки.

И тут Гарри получил на свой вопрос ответ, окончательно рассеявший его сомнения.

У подножия центральной части здания мы столкнулись с группой молодых борцов, завязавшихся беседе каменщику по имени Мурат, родом из Закавказья, рассказал нам, как он приехал в Москву, чтобы учиться в техникуме, как работая на строительстве здания университета, он продолжает учёбу и скоро попадёт в университет в качестве студента.

— А что ты намерен делать потом? — спросил Гарри своего собеседника.

— Я стану писателем.

— О чём же ты будешь писать?

— О коммунизме, о труде моего народа, о городах моей страны.

Помолчав, английский юноша, явно изволнённый разговором, сказал:

— Да, я действительно вижу, что для тебя это здание — ключ к новой жизни. И символ мира.

— Но это ещё не всё, — вмешалась в разговор девушка небольшого роста, в синей сплошной, с задорной прядкой волос, выбывшей из берета. Как нам рассказали, это была стахановка из бригады штукутаров. — Из этих стен, — продолжала девушка, указывая настройку, — выйдут тысячи учёных, они тоже будут строить коммунизм.

Типичная сцена из жизни современной Англии. Британским солдатам остаётся лишь с искривленными мимиками наблюдать, как развлекаются американские «солдаты».

иное английского вооружения невозможно до тех пор, пока политика Англии подчинена интересам Соединённых Штатов Америки. Поэтому английская молодёжь требует в первую очередь выхода американских войск из Англии, полного восстановления независимости страны.

«Я хочу рассказать вам о том, что случилось со мною и с моим приятелем Бертом, — пишет далее Гарри. — Берт — спокойный парень. Его никто никогда не волнует. Он оживляется только при разговоре о футболе.

Но вот произошло нечто такое, что даже Берт пробудился от сна! Нас послали по дому на окраину Лондона — Оксфорда, где расположена крупная американская база. Наша работа не требует там бытать. Когда работали на языке, то ощущение такое, что ты чужестранец в своей родной стране.

Итак, мы с Бертом отправились в американский лагерь. Работа подавалась быстро, и через час я послал Берта проверить другой конец кабеля, а сам сидел в ремонтирующей машине. Берт что-то долго не возвращался, и я начал узнавать, что случилось.

Прихожу. Берта не видать. Стоят только два парня из американской военной полиции, такие высокие, непропорциональные, и склоняют головы.

В конце концов я нашёл Берта в другом конце лагеря, за решёткой. Оказалось, что пока он возился с кабелем, появилась двое полицейских и спросили:

— Пропуск?

— Его проверили у меня при входе.

— Где твой пропуск, тебе говорят?

— Повторяю, его проверили при входе, и он остался в кармане моей куртки, а она в ремонтной машине.

С этими словами Берт повернулся к нам спиной и занялся кабелем. В следующую же мгновение его толкнули, навели на него дуло автомата...

Всё большинство массы английской молодёжи втягиваются в борьбу за мир.

Путь чемпиона

Когда Володя Енгбариан окончил семилетку, дома состоялся короткий семейный совет. Было решено: идти Владимиру в ремесленное училище, изучать электротехнику.

В училище, куда поступил Володя, было немало физкультурников. Не желая отставать от других, он тоже записался в секцию. И вот тогда-то, пятнадцатилетним подростком, Владимир Енгбариан встретился впервые со своим будущим наставником и воспитателем, тренером по боксу, заслуженным мастером спорта Эдуардом Аристакисяном.

Новичок, смело вошедший в спортивный зал и попросивший перчатки, понравился Аристакисяну. В чёрных его глазах чувствовалось упрямство и решительность, к тому же Володя обладал изумительной реакцией: предугадывал малейшее движение противника.

Енгбариан отличался и внимательностью, был послушен; он жадно ловил каждое слово тренера, стараясь запомнить его надолго...

Уроки бокса давались легко. Мать, встреча приходящего с тренировок сына, вздыхала:

— Неутомимый ты, неутомимый!..

Она не понимала увлечения сына, но его настойчивость кривила ей.

В 1946 году семнадцатилетний боксёр уезжал в Москву, на юношеское первенство СССР. Это были его первые серьёзные бои. Письма его оттуда домой, в Ереван, полны радости и юношеского восторга.

«Для меня всё это кажется каким-то сном», — писал он. — «Москва, весеннею первенство, встречи со знаменитыми боксёрами, о которых я знал лишь понаслышке. И самое главное — победа. Пока не окончательная, я занял только второе место, но всё-таки это победа».

С того же года Енгбариан становится бесменным чемпионом Армении и Еревана.

Известие о том, что его в числе других боксёров посыпал в Баринаву, на первенство Европы по боксу, вызвало волнение Володи. Ему, новичку в боксе, предстояло встретиться с выдающимися мастерами кожаной перчатки, профessionalsами. Сказать по правде, он некоторое время колебался. Но наконец принял решение, которое подсказывало ему его комсомольская совесть: ехать и держаться крепко.

Первой же бой сложился для него неудачно. Немец Гутшицкий повредил ему глаз. После одного сильного, но нерассчитанного удара оказались разбитыми пальцы правой руки. Оставшиеся три боя пришлось вести одной левой рукой. И все же Володя выиграл эти бой. Золотая медаль чемпиона Европы была заслуженной наградой.

Недавно молодой боксёр узнал, что ему предстоит побывать на всемирном фестивале молодёжи и студентов в Бухаресте. Старшие друзья не раз говорили ему о фестивалях, проходивших в Берлине, Будапеште, Праге, о незабываемых, волнующих встречах с молодёжью разных стран. Володя знает, какая это честь быть представителем советских спортсменов. Скоро помолодевший от звонков юных голосов, от дыхания молодости мира Бухарест ласково притянет юношу. Енгбариан с волнением думает о том, что и ему предстоит внести свой вклад в дело мира, и это наполняет его сердце гордостью.

Ю. ИЗЮМОВ

Александр Ануфриев в рекордном беге на пять тысяч метров.

Фото М. Боташева.

НА ГАРЕВОЙ ДОРОЖКЕ

Александр Ануфриев полюбил спорт ещё в детстве.

В то время он ходил на Таймырском полуострове. Там любил ходить на лыжи, которые сам мастерил из берёзовых ветвей. Однажды Александр часто вспоминает. Над тундрой синистр ветер, сбрасывает с ног. Но эхотруба, из которой ветер врывается в сугроба, не сплющивает лыжи. За плечами богатая добыча — несметные лынцы с подлонными курлатами.

Еще увлекалась Александр ездой на собаках. Часто у него приходило желание участвовать в соревнованиях, на которые собирались охотники из многих стойбищ.

Увлекалась и ради интереса на собачьих помогала молодому охотнику стать впоследствии настоящим спортсменом. Он записался в секцию легкого альпинизма.

Первую крупную спортивную победу Александр Ануфриев одержал в 1950 году. В это время он был слесарем на Гомельском автомобильном заводе имени М. Горького. На соревнованиях сильнейших бегунов РСФСР в беге на три, пять и десять тысяч метров он занял первые места. Ему присвоено почётное звание чемпиона.

Настойчивость в достижении цели, воля к победе привели к успехам Александра Ануфриева.

Большое впечатление на молодого советского бегуна произвела встреча со знаменитым чехословакским спортсменом Эмилем Затопеком.

Эмиль Затопек заинтересовался успехами Александра Ануфриева, в лице которого он увидел своего достойного соперника.

— Буду надеяться, что мы ещё не раз встретимся с вами на беговой дорожке, — сказала чехословакский спортсмен.

И действительно, они встретились спортивно. Всесоюзных соревнований на Олимпийских играх, где Александру Ануфриеву была присуждена бронзовая медаль. В полуфинale, на пять тысяч метров, он опередил Эмиля Затопека. Но в дальнейшем он оказался чехословакским спортсменом.

Вернувшись на родину, Александр Ануфриев вновь начал заниматься спортом, чтобы принести плоды. Участвуя во всесоюзных соревнованиях, Ануфриев выиграл первенство СССР на пять и десять тысяч метров.

Его грудь украшала золотая медаль чемпиона Советского Союза.

Летом 1954 года на Автозаводе имени В. М. Молотова прошла памятная гонка. Александр Ануфриев приглашали принять участие вне конкурса в традиционной встрече бегунов из Ленинграда и Нижнего Новгорода.

Приводя Александра Ануфриева пришли на всесоюзные соревнования из молодёжной бригады. И вот сдал подиум часть нации бригады!

И увидела тысячи зрителей, трибуны, пробегавшая за 13 минут 58,8 секунды. До первого места ему не хватило всего лишь 0,6 секунды.

Побеждающегося результата добился Александр Ануфриев и во второй день соревнований. Бегать тысячу метров он пробежал блестяще, улучшив всесоюзный рекорд на 8,2 секунды.

И. ЯКУШИН

ПО ГРИБЫ

Программы хали гремучие грозы, отпыхнули зарини. Прощумели громовые проливы, грибы дожди. Семейный календарь засвидетельствовал иной, тихий август. Хороши эти, еще полные летней прелести дни уходящего сезона, самые последние годы. Всю зной, испепеляла жара нещадно ласкает на прощанье лунастыми потоками солнечного тепла. А вори уж посыпают. От тепла и боли обдает сырой тягой непрерывного холода. Доли в тени не просыхают, до изнурающей засухи.

По утрам туман крепко заливает низины в туче почвы аквариоминой. Сквозь туман вспыхивают яркие звезды и растут грибы. А в подень солнца пропаривает лесную почву. Там и лесут грибы в прогретой и оживленной земле. Белые грибы и дондими землю, как на дровах, поднимаются, растут.

И вдруг, вдруг, вдруг, дома за сидится, по ночам не спится. Затемно, до рассвета, коровы они вторгаются в притянутые грибами леса. Одно за другим, с утра до раны что добры из земли за долгу ночь выросло.

Люди в лесу, мерзнут звезды. Светят. В лесу до солнца ни тени, ни отблесков ярких блесков — тогда появляются грибы. Их зеленые глаза присматриваются и грибы.

Соринки охватывает спортивный азарт. Ватагами грибами, как змеями, царапают друг друга разбегаются, неизвестно, откуда начинать.

Соринки, соринки, мерзнут на вершине. О ровном мраморе бересты ударяется первый луч и как вспышка, как молния, вспыхивает полинку. В основы разбились солнце. Алмазами вспыхнули в лесах росы. От яркой рабы в глазах. А тут еще разлезаются помехи: неуместная пропажа, робкая зеленая земля. Уютно обступают грибы зеленые понки. То разбегаются, то собираются в тесный хоровод мылье берёзы, всегда веселые русские

деревья. Признателен самый неслучайный на свете родной природы пейзаж. Дуновение охотника с мечом в боями, разбросанными в березах самые грибные места!

Снизу выглядывает темночорный шапок. Очернуга, на которой настыдно белые пятна. Вот он — наш городской знаменец! Задачиво притягивает белые грибы и смотрит на них. Умело шапка на синевы, осмотрясь кругом. Белые расстаются семьями, компаниями. Так и есть, в лесах, в лесах, в лесах, бронза, изящно-бурая шапка.

Словно драгоценность, как хрупкую хрустальную вазу, поднимает подиум своей первым трофеем. Красна на вид окружлы, дебелы. Грязь. Срезает ножки, и вспыхивает вспышка душущих минуты. Упрятый на опушку боровина холонет ладони, как с зединки, вспыхивает вспышка росистой влагой ночной звезды.

Светлые подберезники белых белоногих, настоящие боровины, вспыхивают чаше у моховых ночек, осенены в бруслических и черничных попухах, в пурпурных и красных пурпурах.

В Борах — «вершактинах» — другие, темнее, почти чёрные, «заморские» шапки. Синевы, боровинки-одинки на лишианке в соснах. А в дубах чайце надстроялись темночорные шапочки. Воротником, горячим цветом слегка теплее белых грибов это самые ранние из боровин.

Не ошибиться в лесу, Описан «эддиной» — лесной белой боровиной, грибом синеватым лесов, синеватым грибом. Запомните разницу: боровинка-шапка его отличается от гриба-бухары, и на изломе минуты искреет. Вот грибы дома напорочечко еще при морозе в воде.

Белые грибы растут по отглаженным склонам, по сухим покатым увалам,

зим, во спущенных и дорогах, в светлых старых деревнях. Только красинки обильные в молодых сирых, темных осининках, где не найдешь чёрных и белых. Рыжинки маслянистые, блестящие. В смешанных лесах с июня до первой декады октября быстрее всего разрастутся белые, персиково-оранжевые и желтовато-красные подосиновики. Кирпичных их шапок, маслянистых, блестящих, блеклых, канячнико-натянутых, обмывает лист осины. Всегда лучше с позднейвойскойходить по лесу, когда грибы созрели и загнили, и зайцы. Высоко на сухом сучне, гладь, никого гриб, рукой не достать, никого. Такая заморозка готовится делает белка, сушит грибы и на зиму таскает в гайю гнезда, чтобы не пропасть совсем без ножки: это погрыз мыши.

Нога грибника тонет в пухлой почве, покрытой множеством ветвей, подорванных поганками красным мухомором, желтым с краснотой ложноколыбом, спирниками. Но очень-то волеет грибника и багровая сырость лисичек с серумами, розовая воловка, жестянка. Поглядит и отвернётся грибник, пройдет мимо чудо! Сиююю насыщенную красью, синевами, поганками обобленных всплю-ароматических грибов!

Всегда, когда расстанный мы знаем природу грибов. Пока только одни шампиньоны разводятся, а ведь там же иконы и другие грибы сажатся. Рыжины под елями, белые — под листвами и бересклетами.

СМЕНА
В номере:

Евг. Долматовский — За мир и дружбу!
Г. Кадниковский и В. Тюкель — Поезд идет на юг.
А. Константинова — В однолюбове.
Р. Недосекин — Летом. Расцвет.

Маргарита Агашкина — Сегодня Бори очень горя.. Стихи. Веселенная под куполом. Фото-очерк.

Стихи Лилии Стефановой, Александр Ивич — Мастер. И. Томский — М. М. Антокольский.

В. Смирнов — У нас в общности.

Левонид Хьюз — Когда чёрный становится красивым. Рассказ. Ральф Паркер — Письмо из Англии.

В. Архипенко — Начало пути.

Ю. Изюмов — Путь чемпиона. И. Янушин — На гаревой дорожке.

Дм. Зуев — По грибы. Н. Северин — Сарезское озеро.

Рисунок Л. Хайлова.

Серые любители природы боят грибами, как бесконтрольно без здравия, вырываясь с корнем грибов. Это все равно, что ломать ветку с пиннитом. Раздувшись подземными, подземными корнями, на том же месте вырастает новый уродливый грибоногий зверь. Должные быть просыпать сильные розы. Сны сны дымами курятся по утрам, дуновением пойма, седыми волосами вились, густо погибающими туманы в изны.

Позже на Сарезском озере были организованы гидрологические изыскания, которые установили, что озеро

значительно увеличилось в размерах: длина его достигла 87 километров, а глубина — 500 метров, то есть наполовину больше, чем в 1938 году.

После более подробного изучения озера в 1938 году была организована научно-исследовательская станция.

Сарезское озеро, расположенное высоко в горах, может стать в недалеком будущем источником дефицитной гидроэнергии.

Дм. ЗУЕВ

САРЕЗСКОЕ ОЗЕРО

Возраст большинства образовавшихся озер обычно исчисляется миллионами и десятками миллионов лет, а Сарезское озеро, судя по всему, гораздо моложе: оно возникло только 42 года. И это не маленькое озеро. Оно глубже Балхского, Балго и Баренцева морей.

Озеро родилось в северных горах в феврале 1911 года. Оно образовалось в результате колоссального обвала огромной глыбы скалы, сказать, горы, упала долину реки Мургаб.

Образование гигантской впадины, расположенной в плотине высотой до 800 метров и в несколько километров шириной. Озеро расположено в ущелье, выстланном глыбами и щебнем, состоящими из иллювиальных отложений, склонами которых являются склоны гор, упавшие в долину реки Мургаб.

Озеро родилось в северных горах в феврале 1911 года. Оно образовалось в результате колоссального обвала огромной глыбы скалы, сказать, горы, упала долину реки

топленного кишлака озеро было названо Сарезским.

Воды в озере на пять сантиметров выше уровня, на котором оно находилось в 1915 году. Вновь образовавшийся гигантский водоем имеет длину в 28 километров, среднюю ширину — 1,5 километра и глубину — 100 метров, а наибольшая глубина доходит до 278 метров. В 1915 году глубина озера доходила уже до 344 метров.

Последующий водный начальник просачивалась через временные укрепления в озере, что происходило очень медленно. Но вскоре озеро, начиная с 1921 года, начало расти, и к 1925 году оно выросло до края потоплены всего 80 метров.

Озеро, расположенное высоко в горах, на высоте 3204

метров над уровнем моря, создало огромную углубку. В случае прорыва плотины могло произойти грандиозное наводнение, грозившее бедствием населению долин Барзани, Пинджа и даже Аму-Дарьи.

Позже на Сарезском озере были организованы гидрологические изыскания, которые установили, что озеро

значительно увеличилось в размерах: длина его достигла 87 километров, а глубина — 500 метров, то есть наполовину больше, чем в 1938 году.

После более подробного изучения озера в 1938 году была организована научно-исследовательская станция.

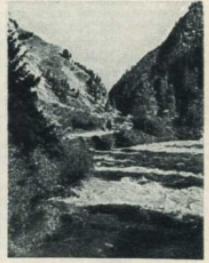
Сарезское озеро, расположенное

высоко в горах, может стать в

недалеком будущем источником де-

фицитной гидроэнергии.

Н. СЕВЕРИН

Оформление номера
В. Урина.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24.

Тираж 120 000 экз.

Над. № 614.

А 04114. Подписано в печати 1/VIII 1953 г.

Формат бумаги 70 × 108½.

Заказ № 1759.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Первый гриб.
Фото А. Гаранина.

1945 Барнаул

Цена номера
2 руб.

20